КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1882 года № 10 30-го мая.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ; цѣна годовому изданію 4 рубля съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

—

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ ходатайства преосвященнаго митрополита кіевскаго, въ 6-й день марта 1882 года, Высочайше соизволилъ разрѣшить преосвященному *Платону* принять и носить, по установленію, *золотую медаль*, пожалованную его высочествомъ болгарскимъ княземъ «за попечительство надъ одесскимъ болгарскимъ настоятельствомъ», въ бытность его архіепископомъ херсонскимъ.

— Государь Императоръ, въ 24 й день апрѣля 1882 года, Высочайше утвердить соизволилъ два всеподданнѣйшихъ доклада Святѣйшаго Синода: а) о бытіи первому викарію с.-петербургской епархіи, епископу ладожскому *Гермогену*—епископомъ таврическимъ и симферопольскимъ и б) о бытіи викарію воронежской епархіи, епископу острогожскому *Кириллу*—епископомъ чебоксарскимъ, викаріемъ казанской епархіи.

— Государь Императоръ, въ 3-й день мая 1882 года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи предназначенному на каѳедру епископа выборгскаго, втораго викарія с.-петербургской епархіи, ректору таврической духовной семинаріи архимандриту *Арсенію*—епископомъ ладожскимъ, первымъ викаріемъ той-же епархіи, а ректору витебской духовной семинаріи архимандриту *Анастасію*—епископомъ выборгскимъ, вторымъ викаріемъ с.-петербургской епархіи.

— Государь Императоръ, въ 24-й день апрѣля 1882 года, Высочайше утвердить соизволилъ всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи настоятелю московскаго Спасо-Андроніева второкласснаго монастыря архимандриту *Сергію*—епископомъ ковенскимъ, первымъ викаріемъ литовской епархіи.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

I. О заведеніи во всѣхъ монастыряхъ особыхъ книгъ для записи умершихъ монашествующихъ лицъ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, опредѣленіемъ 23 февраля 1882 года, постановилъ: для установленія въ монастыряхъ записей объ умершихъ монашествующихъ лицахъ, объявить по духовному вѣдомству чрезъ припечатаніе въ «Церковномъ Вѣстникѣ», чтобы на будущее время во всѣхъ монастыряхъ для записи объ умершихъ монашествующихъ лицахъ заведены были особыя книги по образцу 3 части метрической книги объ умершихъ, приложенному къ 1076 ст. IX т. Св. зак. Росс. Имп. изд. 1876 года.

II. Отъ 7—19 апрѣля 1882 года за № 624, о сборѣ пожертвованій въ пользу духовнаго училища на о. Халки.

Государь Императоръ въ 27 день февраля 1882 года Высочайше соизволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода отъ 18 декабря—15 февраля 1881—82 годовъ о разрѣшеніи, согласно ходатайству вселенскаго патріарха, прибыть въ Россію архимандриту Серафиму

и іеромонаху Антонію, для производства ими по всей имперіи, въ теченіи одного года, сбора пожертвованій въ пользу учрежденнаго при константинопольской патріархіи на островѣ Халки центральнаго духовнаго училища.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Рукоположенъ 25 апрѣля 1882 діаконъ, состоявшій на дьячковскомъ мѣстѣ въ с. Лобачевѣ, таращанскаго уѣзда, Павелъ Павловскій во священника къ Александро-Невской церкви с. Косовскихъ-Городищъ сквирскаго уѣзда.

Утверждены: 23-го апрѣля 1882 г. въ должности члена благочинническаго совѣта 1-го округа черкасскаго уѣзда священникъ с. Русской-Поляны Владиміръ Левитскій; 25 апрѣля помощникъ благочиннаго 5 округа радомысльскаго уѣзда священникъ м. Иванкова Петръ Шмигельскій въ должности благочиннаго того же 5 округа.

Исключается изъ списковъ умершій 27 апрѣля протоіерей Кіево-Флоровскаго монастыря Даніилъ Смодовичъ и мѣсто священническое при Флоровскомъ монастырѣ праздно.

Награжденъ похвальнымъ листомъ 25 апрѣля с. Шубиныхъ-Ставовъ звенигородскаго уѣзда церковный староста Максимъ Костенко за 9 лѣтнюю усердную службу въ должности церковнаго старосты.

Преподано благословеніе Божіе и признательность Епархіальнаго Начальства 24 апрѣля, уманскаго уѣзда с. Кузьминой-Гребли священнику Павлу Кашинскому, крестьянамъ Прокопію Остапинскому, Ѳомѣ Сажіенку и прихожанамъ Космо-Даміановской церкви того села за усердіе ко храму Божію и заботы о благолѣпіи его.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

По вопросу о законоучителяхъ въ народныхъ школахъ.

Религіозный характеръ народной школы и завѣдываніе ею духовенства на западѣ было естественною фазою въ исторіи этой школы. Нетолько въ католическихъ странахъ, но и въ протестантской Германіи со времени своего первоначальнаго образованія и почти до новѣйшей культурной борьбы народная школа была школою преимущественно и безусловно религіозною и стояла въ вѣдѣніи, подъ надзоромъ и руководствомъ церкви и духовенства. Не то было у насъ. Съ самаго своего рожденія наша народная школа стала школою свѣтскою; религіозное образованіе получило въ ней значеніе только отдѣльнаго предмета съ именемъ закона Божія и притомъ предмета второстепеннаго и по количеству уроковъ, и по степени вознагражденія законоучителя и по общему отношенію къ нему многочисленныхъ опекуновъ и начальниковъ школы. При устройствѣ нашей школы не было обращено достаточно вниманія на то, чтобы всѣ занятія въ школѣ направить къ цѣли религіознаго образованія какъ главнѣйшей и основной цѣли народной школы, чтобы къ ней именно пріурочить дѣло грамотности. Народная школа получила характеръ общеобразовательнаго заведенія какъ низшая и однородная съ гимназіею школа, и только. Либеральные дѣятели школы и либеральная печать старались даже вытравить изъ нея или по возможности сократить и ту дозу ея религіознаго характера, какая въ ней была оставлена. И доселѣ слышатся въ печати голоса, что чѣмъ меньше-де будутъ преподаваться въ школѣ мало-понятныя догматическія истины вѣры, чѣмъ меньше будетъ „зубренія“ уроковъ закона Божія, тѣмъ лучше, такъ какъ-де главное дать доброе нравственное воспитаніе, а не забивать голову разными богословскими тонкостями, имѣющими-де свойство только возбуждать отвращеніе къ религіи. При шаткой постановкѣ въ новой народной школѣ дѣла законоучительства, при разныхъ стѣсненіяхъ и ограниченіяхъ законоучителей, духовенство естественно обнаружило мало сочувствія къ дѣлу учительства въ школѣ: вознагражденіе, миніатюрные размѣры котораго во многихъ мѣстахъ доходили до 30 и 25 коп. за урокъ, столкновенія съ учителями, несочувствіе „интеллигентныхъ“ земцевъ и всяческихъ властей школы—все это не могло расположить духовенство къ занятіямъ въ народной школѣ. Въ этомъ безучастіи духовенства выразился протестъ противъ неправильной постановки дѣла религіознаго образованія въ школѣ; между тѣмъ сторонники школьнаго либерализма и секуляризаціи воспользовались этимъ несочувствіемъ, чтобы совершенно устранить духовенство отъ школы. Въ виду уклоненія духовенства отъ законоучительства или несочувственнаго отношенія къ этому дѣлу поднятъ былъ вопросъ о преподаваніи закона Божія въ народныхъ школахъ свѣтскими лицами и при существующемъ характерѣ школы, когда законъ Божій есть только такой же предметъ преподаванія какъ и ариѳметика, или русскій языкъ;

естественно вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ смыслѣ положительномъ. Огромное большинство мнѣній, затребованныхъ по этому вопросу, склонилось къ тому выводу, что священники могутъ быть замѣнены въ дѣлѣ законоучительства свѣтскими учителями, въ томъ однакоже случаѣ, если нельзя найти священника-законоучителя или онъ крайне небрежно относится къ дѣлу. Къ такому мнѣнію, вмѣстѣ съ печатью, пришли нѣкоторыя земства, большинство управленій учебныхъ округовъ и даже два-три преосвященныхъ. Административнаго рѣшенія этого вопроса, къ счастію, еще до сихъ поръ не послѣдовало. Лишить священниковъ права законоучительства въ школѣ значило бы окончательно подорвать ея религіозный характеръ и подвергнуть ее серіозной опасности полнаго извращенія. Къ счастію, сама жизнь болѣе и болѣе выясняетъ всю несостоятельность секуляризаціи школы и всю необходимость дать ей возможно-полный характеръ школы религіозной. Въ литературѣ среди либеральныхъ пренебрежительныхъ толковъ о значеніи религіознаго воспитанія въ школѣ и фальшивыхъ опасеній „клерикализма“, пробивается сильное теченіе въ противоположномъ направленіи. Лица, близко стоящіе къ дѣлу народнаго образованія, серіозно наблюдавшіе народные запросы къ школѣ, болѣе и болѣе неотразимо свидѣтельствуютъ о необходимости дать школѣ существенно-религіозный характеръ, направить грамотность и все образованіе въ школѣ къ цѣлямъ религіознымъ. Въ прошломъ году мы указывали читателямъ на сильныя заявленія въ этомъ родѣ двоихъ весьма компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ—профессора—учителя народной школы г. Рачинскаго и скромнаго, но извѣстнаго въ нашемъ краѣ дѣятеля народнаго образованія г. Тарнавскаго *). Защищая религіозный характеръ школы, они вмѣстѣ съ тѣмъ крѣпко стоятъ и за необходимость преподаванія закона Божія священниками. Какъ педагогъ псковской губерніи, такъ и дѣятель юго-западнаго края, совершенно сходятся въ воззрѣніяхъ, и мы считаемъ не безполезнымъ сообщить нашимъ читателямъ ихъ основныя положенія, въ особенности спеціально относящіяся къ здѣшнему краю практическія соображенія г. Тарнавскаго **).

Въ пользу предоставленія лицамъ свѣтскимъ права преподаванія закона Божія въ сельскихъ учи-лицахъ приводилось и приводится много повидимому вѣскихъ аргументовъ: необходимость обезпечить въ сельскихъ школахъ правильное преподаваніе этого важнаго предмета, существованіе школъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ по отдаленности отъ селъ невозможно имѣть законоучителя священника, частые отказы священниковъ отъ законоучительства, совершенная возможность для благочестиваго и свѣдущаго человѣка сообщать элементарныя свѣдѣнія по закону Божію, возвышеніе авторитета учителя въ глазахъ учениковъ при преподаваніи имъ вмѣстѣ съ другими предметами и закона Божія и т. п. Въ большинствѣ великорусскихъ школъ, по свидѣтельству г. Рачинскаго, и независимо отъ административнаго рѣшенія вопроса, въ силу вещей, при необходимости преподаванія закона Божія въ школахъ и отсутствіи законоучителя-священника, дѣло преподаванія закона Божія поручается свѣтскимъ учителямъ. Это опытъ не единичный, а повсемѣстный; это до сихъ поръ скорѣе норма, чѣмъ исключеніе. Скажу не обинуясь, говоритъ г. Рачинскій, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при полномъ усердіи и достаточномъ значеніи учителя, результаты эти крайне неудовлетворительны и это по причинамъ неустраненнымъ, по силѣ вещей. Дѣти пріобрѣтаютъ знанія, которыя имъ нужны для экзамена, и безпорно отвѣчаютъ иногда хорошо, но и только.

Прежде всего невозможно поручить преподаваніе закона Божія свѣтскимъ лицамъ вслѣдствіе недостаточности свѣдѣній этихъ лицъ въ области религіознаго знанія. Элементарная программа закона Божія въ сельскихъ училищахъ представляетъ собою лишь minimum того, что должно быть сообщаемо ея ученикамъ. Она разсчитана на нормальный школьный возрастъ (до 13 и 14 лѣтъ) и поэтому изъ нея благоразумно устранено все, что превышаетъ пониманіе дѣтей этого возраста. Но при распространеніи стремленія къ образованію въ подрастающемъ поколѣніи, школу часто посѣщаютъ у насъ отроки 16 и 17 лѣтъ. Эти старшіе (и лучшіе) ученики сельскихъ школъ почти всегда отличаются особымъ интересомъ ко всему, что касается вѣры и церкви. Ихъ любознательность прежде всего обращается на подробности богослуженія и затѣмъ переходитъ и на вопросы догматическіе, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ къ населенію примѣшаны элементы раскольничьи и иновѣрческіе. Законоучитель безпрестанно бываетъ вынужденъ, въ своихъ бесѣдахъ съ учениками, выходитъ изъ тѣс-

*) См. Кіев. Еп. Вѣдом. 1881 г. №№ 36 и 42.

**) „Русь“ № 51, 1881 г. и „Кіевлянинъ“ 1882 г. № 54—56.

ныхъ рамъ обязательной программы. Онъ долженъ обладать такимъ подробнымъ и точнымъ знаніемъ догматическихъ истинъ и богослуженія, какимъ не въ состояніи обладать свѣтскій законоучитель, и какое доступно только священнику.

Дѣло законоучительства несомнѣнно можетъ быть успѣшнѣе у священника, чѣмъ у свѣтскаго учителя, по самому сану священника. Крестьянскому ребенку съ дѣтства внушается уваженіе къ священнику—„батюшкѣ“, и это невольное уваженіе, усиливаемое еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что священника дѣти видятъ рѣже, чѣмъ учителя, значительно содѣйствуетъ успѣху преподаванія закона Божія священникомъ. Неоспоримо, что на урокахъ священниковъ-законоучителей, даже слабыхъ характеромъ, дѣти сидятъ лучше чѣмъ у свѣтскихъ учителей, и что замѣчанія законоучителей дѣйствуютъ сильнѣе. Подерживаемое саномъ, слово священника есть всегда слово властное, увѣренное въ себѣ, полное силы, какимъ никогда не можетъ быть слово законоучителя свѣтскаго. Священникъ обладаетъ и незамѣнимыми пособіями къ успѣшнѣйшему преподаванію закона Божія. Захочетъ напр. священникъ дать понятіе дѣтямъ объ алтарѣ, ознакомить дѣтей съ богослужебными принадлежностями,—онъ поведетъ ихъ въ церковь, покажетъ имъ и алтарь и всѣ священные сосуды, а учитель долженъ прибѣгать для этого къ картинкамъ. Священникъ законоучитель и въ другихъ отношеніяхъ можетъ ближе поставить и соединить съ церковію дѣло своего религіознаго образованія, въ отношеніи напр. къ чтенію и пѣнію учениковъ на клиросѣ и т. п. Ему доступны и особенныя награды для учениковъ, каковы напр. допущеніе въ алтарь, даръ просфоры и пр.,—награды весьма цѣнныя и важныя и для крестьянскаго мальчика и для его родителей.

Преподаваніе закона Божія священникомъ необходимо и въ видахъ религіознаго развитія народа и въ интересахъ самаго школьнаго дѣла. Законоучительство свѣтскихъ учителей неизбѣжно поведетъ къ ослабленію религіозности въ народѣ. Знаніе закона Божія заключается не въ одномъ знаніи свящ. исторіи, катихизиса и молитвъ. Наши крестьяне, говоритъ г. Тарнавскій, не учились въ училищахъ, не знаютъ ни священной исторіи, ни катихизиса, ни очень многихъ даже молитвъ; а никто, и даже г. Евг. Марковъ, обозвавшій нашъ народъ крещенымъ язычникомъ, не откажется признать, что въ характерѣ нашего народа есть много истинно-христіанскихъ чертъ. Откуда же онѣ взялись у народа, не учившагося закону Божію? гдѣ народъ усвоилъ ихъ себѣ? Въ церкви, присутствуя при богослуженіи. Никто другой, какъ церковь и ея богослуженіе сообщили народному характеру христіанскія воззрѣнія и убѣжденія. Въ сообщеніи душѣ дитяти любви къ храму и совершаемому въ немъ богослуженію, въ пріученіи къ посѣщенію церкви, къ исполненію религіозныхъ обязанностей, сначала наружныхъ, а потомъ и внутреннихъ духовныхъ—вотъ въ чемъ заключается одна изъ главнѣйшихъ задачъ законоучителя. Теперешніе законоучители священники (передаемъ воззрѣнія г. Тарнавскаго) если и неумѣло преподаютъ, если и пропускаютъ уроки, то всетаки не безуспѣшно исполняютъ главную задачу законоученія—вселять любовь къ храму. Народъ не перестаетъ любить церковь. Но выполняютъ ли эту задачу свѣтскіе законоучители? Многіе ли изъ „интеллигентныхъ“ людей любятъ ходить и ходятъ въ церковь? Не обинуясь можно сказать, что свѣтскіе законоучители не могутъ быть безупречны въ этомъ отношеніи. Зачѣмъ же подавать возможность къ обвиненію школы въ ослабленіи религіозныхъ чувствъ народа? Зачѣмъ давать поводъ крестьянамъ видѣть въ школѣ врага тому, что для него дорого? А что крестьяне увидятъ въ школѣ врага, какъ только не станетъ въ ней законоучителя священника,—это несомнѣнно, тѣмъ болѣе, что найдутся люди, способные поселить недовѣріе къ школѣ даже при безукоризненномъ веденіи учителемъ своего дѣла. Сила школы и основа довѣрія къ ней крестьянства—именно ея религіозный характеръ; а гарантію въ этомъ именно желательномъ направленіи школы народъ видитъ единственно въ священникѣ. Если довѣріе къ школѣ не подрывается и при преподаваніи закона Божія свѣтскими учителями, то это потому, что все таки этотъ предметъ находится подъ надзоромъ священника, хотя бы онъ и не преподавалъ его всецѣло. И дѣти и родители ихъ знаютъ, что если священникъ и не преподаетъ въ школѣ постоянно, то онъ все таки придетъ, послушаетъ, спроситъ, объяснитъ, похвалитъ или пожуритъ. А устраните священника отъ школы,—крестьяне отнесутся къ ней совершенно иначе. Въ доказательство того, какъ священникъ необходимъ въ школѣ, г. Тарнавскій приводитъ слѣдующіе факты: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ староконстантиновскаго уѣзда, гдѣ мѣстные священники не могли законоучительствовать частію по старости, частію по другимъ

причинамъ,—крестьяне собирали лишнія деньги на увеличеніе жалованья сосѣднимъ священникамъ, лишь бы они ѣздили въ школы; а въ нѣкоторыхъ селахъ давали лошадей, чтобы привозить и отвозить священниковъ въ училища. Понятно послѣ этого, какое впечатлѣніе произведетъ на крестьянъ извѣстіе о томъ, что школа можетъ обходиться безъ священника. И нѣтъ ничего удивительнаго, что число школъ не будетъ увеличиваться: и сами крестьяне не дадутъ денегъ на такія школы, гдѣ не будутъ учить „вѣрѣ", и священники пальцемъ не двинутъ, чтобы помочь въ увеличеніи числа школъ.

Собственно въ нашемъ юго-западномъ краѣ духовенство особенно тѣсно связано съ народомъ по силѣ своего религіозно-нравственнаго и просвѣтительнаго вліянія на народъ въ его прошедшемъ; и отсюда здѣшнему духовенству принадлежитъ такъ сказать историческое право и обязанность продолжать это вліяніе путемъ школы,—въ особенности въ виду возможныхъ броженій въ будущемъ. „Въ ту пору, когда православное крестьянство края находилось подъ властію пановъ поляковъ, которые угнетали въ крестьянинѣ не только тѣло, но и душу,—у крестьянъ было одно утѣшеніе—православная вѣра и церковь, съ ея представителемъ священникомъ. Въ немъ крестьяне видѣли не только исполнителя требъ и молитвенника за нихъ предъ Богомъ, но и своего утѣшителя, не рѣдко и заступника предъ паномъ, во всякомъ случаѣ оберегателя православной вѣры, который жилъ съ ними, крестьянами, одною жизнію, одними трудами и заботами. О живущихъ старикахъ священникахъ всякій подтвердитъ высказанное нами; чтобы сказать тоже объ отшедшихъ въ вѣчность, для этого достаточно вспомнить для примѣра хотя извѣстнаго Острожскаго протопопа Наливайку, о которомъ іезуитъ Янчинскій отозвался какъ о закоренѣломъ фанатикѣ, защитникѣ хлопской вѣры и отцѣ хлоповъ-схизматиковъ. Народъ призналъ эти заслуги духовенства и выразилъ это наглядно, назвавъ священняковъ: „панъ-отець", „добродзій", „батюшка". Народъ не забываетъ духовенства и теперь, и относится къ священникамъ не по великороссійски съ выраженіемъ презрѣнія, ярко видимаго въ разныхъ бранныхъ прозвищахъ, а съ искреннимъ и глубокимъ уваженіемъ, которое выражается во многомъ, напр. въ снимaніи шапокъ, цѣлованіи руки и совѣтахъ съ священникомъ о личныхъ, семейныхъ и даже общественныхъ дѣлахъ. И это дѣлается не формально по заведенному обычаю, а по внутреннему искреннему чувству. Это несомнѣнно видно изъ того, что совѣты священниковъ безусловно исполняются. Доказательство этого можно даже видѣть въ дѣлѣ устройства школъ въ нашей юго-западной окраинѣ. Тѣ, которые помнятъ, какъ послѣ 1863 г. устраивались у насъ школы, знаютъ, что священники очень и очень много содѣйствовали открытію школъ тѣмъ, что уговаривали крестьянъ учить дѣтей, заводили при церквахъ начальныя школки, не рѣдко у себя въ домахъ, и принимали на себя обязанности учителей. Примѣры и такого могущественнаго вліянія при устройствѣ школъ и энергической самопожертвованной дѣятельности въ школьномъ обученіи встрѣчаются и теперь. Мы знаемъ, говоритъ г. Тарнавскій, много случаевъ, когда учителя бились годы, чтобы обратить вниманіе крестьянъ на нужды училища, и ничего не могли сдѣлать, тогда какъ нѣсколько словъ священника произвели желаемое дѣйствіе. Эти заслуги священниковъ не подлежатъ сомнѣнію. Удобно ли, справедливо ли, полезно ли устранять отъ дѣла законоучительства тѣхъ, кому школы во многомъ обязаны?

Но если священникъ-законоучитель необходимъ для нашей не вполнѣ установившейся еще школы теперь, то какъ нуженъ онъ будетъ въ недалекомъ будущемъ, когда поляки почувствуютъ, что у нихъ развязаны руки! Первое, на что набросятся поляки, чтобы захватить въ свои руки,—это народная школа. Куда же съумѣтъ сельскому учителю, въ большинствѣ молодому человѣку съ съ неустановившимся характеромъ и чувствомъ, противодѣйствовать этому напору. Если русскихъ князей и дворянъ, крѣпкихъ родовымъ именемъ и богатствомъ, поляки смогли „сманить своими шумными пирами",—то тѣмъ легче сбить съ пути молодаго, бѣднаго и слабаго духовными силами свѣтскаго учителя. Это нужно имѣть въ виду; этого нужно бояться: и теперь уже поляки закидываютъ удочки многимъ сельскимъ учителямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ поляки примутся за школу поусерднѣе. Вотъ тутъ-то и нуженъ будетъ законоучитель-священникъ. Священники нашего края, выросшіе съ поляками, знающіе ихъ сильныя и слабыя стороны,—не плохіе, а опытные бойцы за православіе и русскую народность. Священники могутъ оказать великую поддержку учителямъ и народной школѣ, а вмѣстѣ съ нею и всему народу".

И г. Рачинскій и г. Тарнавскій не освобождають духовенство отъ вины въ небрежномъ и холодномъ отношеніи къ школѣ, что происходило, по ихъ мнѣнію, какъ отъ самой постановки учебнаго дѣла и столкновеній съ учителями, такъ и отъ погони за наживой самаго духовенства, устремившаго все вниманіе на матеріальную сторону своей жизни. Но въ настоящее время, по наблюденіямъ г. Тарнавскаго, въ этомъ отношеніи замѣчается поворотъ къ лучшему, и причины холодности духовенства къ школѣ болѣе и болѣе ослабѣваютъ. О ссорахъ между учителями и законоучителями говорятъ меньше, что указываетъ на установленіе правильныхъ отношеній между двумя главными силами народной школы; и погоня за наживой, на которую набросились было многіе священники, тоже стихаетъ. Теперь не мало есть священниковъ, которые добросовѣстно взялись за церковное дѣло, напр. за перестройку храмовъ, за устройство церковно приходскихъ попечительствъ и т. п. „Дойдетъ дѣло и до того, что всѣ священники серіозно примутся и за законоучительство въ народной школѣ. Да и въ настоящее время она имѣетъ не мало добросовѣстно ведущихъ свое дѣло законоучителей. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что число ихъ будетъ увеличиваться съ каждымъ годомъ“. „Если же“, заключаетъ г. Тарнавскій, „вопросъ: кому законоучительствовать въ народной школѣ— будетъ рѣшонъ въ томъ смыслѣ, что и учителямъ можно вести дѣло законоученія, то и не многіе теперь хорошіе законоучители-священники бросятъ народныя школы, да еще и отрясутъ прахъ отъ ногъ своихъ“.

Не безъ удовольствія отмѣчаемъ мы эти мнѣнія компетентныхъ свѣтскихъ педагоговъ о предметѣ столь близкомъ духовенству какъ преподаваніе закона Божія. Въ нихъ слышатся не тѣ заурядныя поверхностныя и предвзятыя сужденія, какими такъ переполнена наша мнимо-либеральная печать, а серіозное убѣжденіе людей опыта, вытекающее изъ самой сущности дѣла. Духовенство призывается къ дѣлу законоучительства потому, что никто другой не въ состояніи успѣшно вести въ школѣ дѣло религіознаго воспитанія народа. Народная школа должна быть религіозною, и только духовенство, священники могутъ твердо направить ее въ этомъ исключительно-любезномъ и желательномъ народу характерѣ. И мы думаемъ, что это убѣжденіе, безусловно справедливое и болѣе и болѣе проникающее въ печать, есть настоятельный призывъ, на который духовенство должно отозваться со всею ревностію своей учительской дѣятельности. Высокое право и вмѣстѣ трудная обязанность религіознаго воспитанія народа путемъ школы есть вмѣстѣ съ тѣмъ и существеннѣйшій интересъ самого духовенства. Неудержимое движеніе жизни вездѣ и всюду предъявляетъ новые и новые запросы для дѣятельности, усложняетъ задачи, обязанности и отношенія. Не стоитъ внѣ этого закона и область церкви и жизнь духовенства. Въ самыхъ укромныхъ и отдаленныхъ захолостьяхъ деревни слышится пульсъ этого движенія „впередъ“, ощущается хотя медленный, но постоянно поступательный ходъ жизненнаго развитія. Тѣ нравственныя задачи добраго пастырства, которыя прежде признавались нормою для духовенства и въ ревностномъ исполненіи которыхъ лежала основа его силы и вліянія, теперь могутъ стать не вполнѣ достаточными, чтобы обезпечивать духовенству надлежащую высоту положенія. Въ отношеніи особенно къ нашему краю отмѣна крѣпостнаго права и регулированіе сельскаго быта новыми судебными и административными учрежденіями, если не ошибаемся, значительно сократили сферу прежде столь благотворнаго общественнаго вліянія сельскаго духовенства. Священство съ его благодатною силою, богодарованныя права священнодѣйствія, пастырства и ученія вѣры безспорно остаются и всегда пребудутъ непреходящимъ залогомъ духовной силы и нравственнаго вліянія духовенства; но кромѣ духовнаго и церковнаго значенія духовенство должно заботиться и объ укрѣпленіи своего значенія общественнаго, а средство къ пріобрѣтенію этого значенія нынѣ главнымъ образомъ лежитъ въ образовательной дѣятельности пастырей. Со всею ревностію посвятить себя дѣлу школы духовенство призывается и важнѣйшею связію этого дѣла съ своими церковными правами, обязанностями и интересами: религіозное ученіе въ школѣ есть только расширеніе церковной учительской дѣятельности пастыря, приготовленіе религіозныхъ, добрыхъ, почтительныхъ прихожанъ, новое условіе вліянія и авторитета священника, какъ пастыря церкви.—Все это конечно имѣетъ значеніе въ отношеніи къ школѣ въ самомъ обширномъ смыслѣ,—не къ школамъ только министерства народнаго просвѣщенія, которыхъ еще очень мало въ нашемъ краѣ, но и къ школамъ церковно-приходскимъ, составляющимъ для громаднаго боль-

шинства мѣстностей единственный проводникъ грамотности и первоначальнаго образованія. И эти скромныя училища народа представляютъ обширное и благодарное поприще для дѣятельности пастырей, которымъ они обязаны и своимъ происхожденіемъ. Возбуждать народное сочувствіе къ дѣлу образованія, вызывать общество къ посильной помощи школамъ, устранять препятствія къ ея благосостоянію, къ сожалѣнію, какъ видно изъ ниже помѣщаемыхъ заявленій не малыя и не рѣдкія, наконецъ прилагать и личный возможный трудъ въ преподаваніи и руководствѣ учителей—вотъ частныя задачи, предъявляемыя къ нашему пастырству самою жизнію и безусловно обязательныя для него, если оно хочетъ стоять на высотѣ своего положенія. По послѣднимъ извѣстіямъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ нынѣ возбужденъ вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи церковно-приходскихъ школъ, въ недостаточности котораго лежитъ главная причина ихъ неудовлетворительнаго состоянія. Безъ всякаго сомнѣнія обезпеченіемъ церковно-приходскихъ школъ будетъ упроченъ успѣхъ ихъ и духовенству будетъ дано новое побужденіе къ успѣшнѣйшему продолженію его дѣятельности по части народнаго образованія.

В.

Къ исторіи церковно-приходскихъ школъ въ Кіевской епархіи.

О церковно-приходскихъ школахъ въ печати большею частію лишь сужденія и разсужденія разнаго рода сообщались и сообщаются; точныя же свѣдѣнія если иногда и появлялись, то или не всегда вѣрныя, или же нечуждыя тенденцій. Хочется сдѣлать пробу—сообщать по временамъ одни голые факты о школахъ сихъ, какъ матеріалъ для будущей исторіи и для вѣрнаго о нихъ сужденія, воздерживаясь, сколько можно, отъ своихъ взглядовъ и сужденій. Начнемъ съ отношеній къ школамъ мѣстныхъ властей и обществъ.

2 декабря 1881 года пришлось мнѣ, по обязанности, посѣтить церковно-приходскую школу въ селѣ Б—ной. Надо предварительно замѣтить, что село это очень маленькое, имѣющее всего до 850 душъ населенія обоего пола, и что школа въ селѣ существуетъ не на содержаніи общества, а на средства православнаго землевладѣльца сего прихода Г. С—на, который, при введеніи уставной грамоты, записалъ на школу 20 десятинъ земли, могущей дать отъ аренды не менѣе 200 рублей. Для помѣщенія школы имѣется нарочитый домикъ, правда неказистый, какъ порядочная крестьянская изба, но для Б—ной довольно удобный и помѣстительный. Онъ о двухъ половинахъ, изъ которыхъ въ первой и большей—двѣ комнаты: одна малая для учителя, и большая—для школы самой. Чрезъ сѣни небольшая комната съ варистой печью для школьнаго сторожа.

Подъѣхалъ я прямо къ школѣ и нашелъ слѣдующее. Въ переднемъ углу довольно большой столъ съ письменными принадлежностями, въ концѣ котораго сидѣлъ мальчикъ и прилежно выводилъ свои каракули. Вдоль по стѣнѣ къ порогу большой длинный столъ, за которымъ сидѣли 6 мальчиковъ за букварями. Приглядѣвшись къ одному изъ нихъ, я увидѣлъ, что бѣдняга, поборовшій уже и обычные и *ужасные* склады по букварю церковно-славянскому, пробовалъ свое искусство на азахъ въ перемежку съ названіями оныхъ. И, Боже, какъ жаль было смотрѣть, когда онъ, непоправляемый учителемъ, твердилъ безсмысленно: азъ, азъ земля ерзъ, азъ; при послѣднемъ звукѣ тыча указкой назадъ на прописную букву: *А*, и совершенно игнорируя при этомъ стоящее рядомъ слово: *азъ*, хотя при складахъ указкой тыкалъ и на него. Обративъ вниманіе учителя на туманящее мальчика безсмысленное долбленіе, я не могъ не подумать въ душѣ: отъ чего при изданіи букварей въ Лаврѣ не обратятъ вниманія на совершенно неудобное смѣшеніе буквъ и словъ, и почему не выбросятъ совсѣмъ цѣлой страницы неудобныхъ для выговора и большею частію совершенно невозможныхъ слоговъ, которыхъ и примѣненія къ чтенію никогда быть не можетъ. Не Священное же Писаніе эти буквари, что къ нимъ не можетъ коснуться рука разумнаго исправителя.

Кромѣ учениковъ, въ школѣ оказались: учитель, человѣкъ лѣтъ за 30, съ характерною фіолетовой физіономіей, и два крестьянина, изъ которыхъ одинъ оказался сельскій староста. Дверь во вторую комнатку была закрыта, и за нею пріютилась семья учителя, который вмѣстѣ и сельскій писарь, какъ оказалось потомъ. Впрочемъ я не точно выразился. Писарь онъ собственно и по преимуществу, учитель же только между прочимъ, больше въ угоду громадѣ и для счета. Я счелъ долгомъ спросить старосту о землѣ школьной: засѣвается ли оная обществомъ въ пользу школы, или въ аренду сдается. Въ аренду, отвѣчалъ староста. А за сколько? За 100 рублей. Сколько пла-

тите учителю? 30 рублей *). А остальные куда? Хиба у громады мало диръ. Не честно для громады, замѣтилъ я, что она чужими пирогами своего батька поминаетъ. Если бы и отъ себя громада дала 100 рублей на школу; то честь громадская требовала бы никуда, кромѣ школы, этихъ денегъ не употреблять. Тѣмъ болѣе несправедливо и не законно употреблять на громадскія нужды деньги, поступающія отъ земли, собственно и исключительно на содержаніе школы помѣщикомъ подаренной. Стыдно будетъ обществу, да и тяжело, если обратятъ вниманіе на такое злоупотребленіе, и заставятъ разомъ вернуть неправильно употребленные доходы. Вотъ смотрите: у учениковъ ни книгъ, ни бумаги, ни другихъ пособій, а громада школьными деньгами свои диры затыкаетъ. Не хорошо, совсѣмъ не хорошо для громады. Попросивъ затѣмъ старосту передать мои слова обществу, при удобномъ случаѣ, я поѣхалъ посѣтить священника, на ту пору больнаго. Однимъ изъ первыхъ словъ его, какъ я вошелъ, было слово сожалѣнія, что я не заѣхалъ къ нему предъ посѣщеніемъ школы. А я бы сообщилъ вамъ, во первыхъ, сказалъ священникъ, что въ другой половинѣ при школѣ у насъ арестантская, столъ же въ переднемъ углу самой школы—это сельская Расправа, которая прежде помѣщалась, гдѣ нынѣ арестантская. Легко можете понять, какое можетъ быть ученіе въ такой школѣ. Сообщилъ бы я вамъ, во вторыхъ, что учителя договорило общество безъ меня, и я не знаю подлинно: кто и что онъ? Больной, я нѣсколько разъ посылалъ за учителемъ, чтобы распросить для сообщенія вамъ; но онъ долго не являлся, а когда явился, то былъ замѣтно подъ выпивкой и грубо далъ мнѣ знать, что онъ знаетъ только волостное правленіе.—Не имѣя времени возвращаться въ школу, да и не предвидя успѣха отъ моихъ словъ и распоряженій, я поспѣшилъ домой, и тогда же написалъ волостному правленію о доставленіи мнѣ свѣдѣній объ учителѣ и о внушеніи ему надлежащихъ къ священнику мѣстному отношеній, а къ г. уѣздному исправнику обратился съ просьбой, дабы школа въ селѣ Б—ной освобождена была хотя отъ арестантской. Волостное правленіе отвѣтило мнѣ, что распоряженіе надлежащее сдѣлано, и отвѣтъ учителя подлинникомъ сообщило; но уже въ февралѣ сего года, такъ что для собранія свѣдѣній объ учителѣ я принужденъ былъ и еще нарочно ѣздить въ Б—ну; г. же исправникъ хотя и сообщилъ мнѣ неотложно, что мое заявленіе передано по принадлежности г. мировому посреднику; но было ли отъ послѣдняго какое распоряженіе—мнѣ ничего неизвѣстно и доселѣ *). Священникъ же села Б—ной отвѣчалъ мнѣ письмомъ отъ 9 февраля такъ: „арестантское помѣщеніе и сельская сборня по прежнему остаются на своихъ мѣстахъ, и о переводѣ ихъ изъ школьнаго зданія никто и не думаетъ; въ слѣдствіе чего школа находится въ весьма прискорбномъ состояніи. И если это дѣло въ такомъ видѣ останется и на будущее время, то существованіе школы прекратится“.

Такое впрочемъ отношеніе къ школамъ обществ. и волостныхъ и сельскихъ правленій—неисключительное явленіе. Въ семъ же округѣ въ селѣ Н. Г. есть также школьная земля, подаренная помѣщицею П—ою; но землю сію взяли въ свое вѣдѣніе члены номинальнаго церковно-приходскаго попечительства и распоряжаются оною безконтрольно и безотчетно. По крайней мѣрѣ священникъ мѣстный ничего о приходѣ и расходѣ отъ школьной земли не знаетъ. Тамъ тоже арестантская была при школѣ, и переведена ли—пока свѣдѣній не имѣю. Но лучше разскажу близкое мнѣ дѣло. Уѣзжаю я какъ то изъ дому по дѣлу на цѣлыя сутки. Воротившись, прихожу въ школу, и слышу отъ учителя, что у васъ были въ школѣ посѣтители: волостной старшина и писарь. Что же они, спрашиваю, ревизію, экзамены дѣлали? Нѣтъ. Собственно они были на счетъ устройства при школѣ арестантской. Старшина осмотрѣлъ свободныя комнаты и призналъ одну весьма удобною для арестантской. Староста велѣлъ уже и желѣзную ре-

*) По показанію учителя 14 р.

*) На сихъ дняхъ, когда настоящая замѣтка уже была готова, случилось мнѣ быть въ селѣ К—цѣ. Оказалось, что церковно-приходская школа, бывшая долго въ нарочитомъ общественномъ домѣ, вблизи церкви, на дняхъ переведена на отдаленный конецъ села, въ домъ крестьянскій по найму. Жалуясь мнѣ на крайнюю затруднительность посѣщать школу за отдаленностію, священникъ объяснялъ, что такое изгнаніе школы изъ общественнаго дома послѣдовало по строгому распоряженію мироваго посредника, настоятельно подтверждаемаго, чтобы школы не находились въ одномъ домѣ съ сельскою Расправою. А тутъ дѣйствительно въ другой половинѣ дома сельское правленіе. Не слѣдствіе ли это моего протеста? Не справедливѣе ли наоборотъ? Во всякомъ случаѣ церковно-приходскія школы не только въ прежнее время существовали всегда, въ дѣйствительности, а не исчислялись только по спискамъ, какъ лжесвидѣтельствуетъ „Московскій Телеграфъ“, (№ 39), но и доселѣ существуютъ. Насъ только тѣснятъ и гонятъ всюду

шотку въ окнѣ укрѣпить. А старшина что на это? Староста докладывалъ, что нужно бы батюшкѣ заявить; онъ школой завѣдуетъ, и обижаться можетъ, что безъ него распорядились. А старшина на это разсердился и сказалъ: дѣлай, что велять,—домъ общественный. Очень прискорбно, замѣтилъ я, такое сужденіе лица, которое напротивъ должно бы устранять подобныя неправильныя представленія о собственности. Вѣдь и церковь зданіе общественное; тамъ и рѣшотки есть готовыя въ окнахъ. Ужели можно сказать, что и тамъ старшина вправѣ открывать арестантскую? Съ этимъ и ушелъ я домой. Вечеромъ получаю записку, въ которой староста, объясняя приказъ старшины, проситъ вывесть его изъ затрудненія; такъ какъ и ослушаться начальства не смѣетъ и исполнить по приказу не имѣетъ права. Я предоставилъ ему право свалить вину на меня, заявивъ старшинѣ, что, молъ, священникъ не допускаетъ въ школу арестантской. Тѣмъ дѣло у насъ и окончилось бы вѣроятно. Но мнѣ пришло на мысль, что если у меня лезли въ школу съ арестантской, то могли лезть туда и въ другихъ селахъ волости; и если у меня староста вышелъ любезный и внимательный, то другіе могли оказаться съ инымъ направленіемъ, и, что посему, чего добраго, въ другихъ селахъ волости арестантскія, быть можетъ, уже и открыты. Послѣдствія оправдали мое предположеніе. Любопытные и теперь еще могутъ видѣть явные слѣды арестантской въ школѣ села К—цъ. Я рѣшился написать о семъ мировому посреднику и просить унять рвеніе не по разуму М—скаго волостнаго старшины. Просьба моя попала, на счастье, въ добрыя и благородныя руки. Не только воспрещеніе не стѣснять школъ арестантскими послѣдовало немедленно, но и вразумленіе старшинѣ дано внушительное. Къ сожалѣнію я не зналъ, что нападеніе на школы было поголовное, почему и хлопоты завелъ только по одной волости. Тутъ причина, почему отъ арестантскихъ иныя школы не освободились и доселѣ. Такъ какъ я взялся писать исторію, а исторія имѣетъ обычай основываться на фактахъ; то, заканчивая на сей разъ мои сказанія, считаю нелишнимъ приложить и подлинные документы, служащіе подтвержденіемъ и нѣкоторыми даже дополненіями моей лѣтописи*).

Благочинный.

---

*) Документы, представленные въ редакцію авторомъ, дѣйствительно подтверждаютъ все сказанное имъ.

О клеветахъ.

Читая частыя сообщенія печати о клеветахъ на духовенство, невольно вопрошаешь самъ себя: дѣйствительно ли духовенство наше такъ глубоко пало, что не можетъ само подняться, а потребно воздѣйствіе извнѣ, или же клеветники смотрятъ на него сквозь кривую призму, въ которой все представляется имъ въ превратномъ видѣ? Послѣднее болѣе чѣмъ вѣроятно, хотя, скажемъ и о первомъ, что въ семьѣ не безъ урода. Одна какая-нибудь личность, одинъ несчастный фактъ кладетъ клеймо на цѣлое сословіе. Но зачѣмъ же отъ частнаго заключать къ общему? Во всякой семьѣ бываютъ уроды, но не всякая семья—уродъ. Такъ-то-такъ, и наши клеветники понимаютъ это, но какъ-же имъ разстаться съ своимъ любимымъ конькомъ? А съ другой стороны, какъ же осуществится пословица: „хорошая слава въ скрынькѣ лежитъ, а худая по дорожкѣ бѣжитъ"?

По нашему мнѣнію, чтобы парализовать злые языки, не лишнимъ было бы, сколько можно чаще, дѣлать извлеченія изъ годовыхъ благочинническихъ отчетовъ о нѣкоторыхъ похвальныхъ чертахъ дѣятельности приходскаго духовенства и публиковать таковыя въ мѣстныхъ епархіальныхъ органахъ.

Извѣстно, что клеветы на духовенство разносятся свѣтскою прессою, всегда зараженною тенденціями, всегда враждебною этому сословію.

Но чтожъ? много крику, да мало дѣла; языкомъ работать гораздо легче, чѣмъ руками... Взвалить бремя на другаго и самому пальцемъ не дотронуться сможетъ всякій.

Возьмемъ для примѣра хоть церковно-приходскія школы. Предметъ этотъ относится, кажется, не къ одному духовенству, не его дѣти обучаются въ этихъ школахъ, а между тѣмъ, кромѣ духовныхъ пастырей, никто не заботится объ нихъ. Мы уже имѣли случай заявить печатно, сколько общественныхъ денегъ погибаетъ въ рукахъ сельскихъ властей, а купить книжекъ, бумаги, чернилъ для школы не за что. И до этого никому нѣтъ дѣла. Напримѣръ, у насъ школа помѣщается въ полуразвалившейся дьячковской пустой квартирѣ, гдѣ окна почти не пропускаютъ свѣта. И что же? починить не за что: у общества денегъ ни копѣйки; они есть, да не у него въ рукахъ, а въ карманахъ какихъ нибудь кулаковъ. Вотъ вы и подумайте, отцы и благодѣтели народа. Между тѣмъ школа наша, по внутреннему достоинству, не уступитъ

иной министерской. Говоримъ безъ преувеличенія и справедливость словъ нашихъ подтверждаемъ тѣмъ, что школа эта шестой годъ пользуется министерскимъ пособіемъ, которое выдается только достойнѣйшимъ. Въ послѣднее время при ней образовался церковный хоръ, пользующійся вниманіемъ сосѣднихъ приходовъ.

За тѣмъ возьмите врачебную часть. Кто помогаетъ поселянину въ болѣзни? Ужъ конечно не тѣ, которые оффиціально поставлены на стражѣ общественнаго здравія, а все тѣ же *корыстолюбивые* постыри, которые запасаютъ медикаменты на случай собственной болѣзни и безмездно раздаютъ нуждающимся.

Кто умиротворяетъ семейные раздоры? Уже не волостные ли суды, потворствующіе насильственнымъ сватаніямъ и бракосочетаніямъ, поощряющіе истязаніе женщинъ, припрягаемыхъ иной разъ милыми мужьями къ лошадямъ?

Но мы не мало обременили бы читателя перечисленіемъ всѣхъ случаевъ, гдѣ духовные отцы становятся единственными помощниками и утѣшителями бѣднаго простолюдина. Свѣтскимъ же радѣтелямъ мы совѣтовали бы больше дѣломъ, чѣмъ словомъ оказывать помощь меньшей братіи.

Священникъ *П. Ракитинъ*.

Изъ с. Грузькой кіев. уѣзда (Корресп. Кіев. Еп. В.).

Еврейскій вопросъ есть вопросъ не только соціальный и экономическій, но и вопросъ нравственный и религіозный. Газета „Русь" вполнѣ выяснила это послѣднее значеніе, быть можетъ не менѣе важное чѣмъ и его значеніе соціальное. Отрицая христіанство въ его общечеловѣческомъ значеніи и сохранивши свою племенную вѣроисповѣдную исключительность, еврейство, по выраженію „Руси", „причину своего бытія полагаетъ въ отрицаніи существенныхъ духовныхъ историческихъ основъ современннаго христіанскаго общества и христіанской цивилизаціи". Еврейство твердо держится своей семитической идеи, признаетъ себя, какъ издревле, народомъ избраннымъ и стремится къ міродержавству; „но такъ какъ семитическая идея заквашена на началѣ отрицанія, то вселенское міродержавство евреевъ, которое уже несомнѣнно слагается, выражается, и не можетъ иначе выразиться, какъ въ постепенномъ духовномъ подтачиваніи основъ существующаго христіанскаго міра и во внѣшнемъ матеріальномъ надъ нимъ преобладаніи посредствомъ самой грѣховной, самой безнравственной изъ силъ, силы *денегъ*,—иначе въ эксплуатаціи. Ассимилируя себѣ евреевъ безъ искренняго отреченія послѣднихъ отъ ихъ религіознаго отличія, христіанское человѣчество только вгоняетъ внутрь себя ядъ отрицанія". „Іудаизмъ въ наши дни является не только матеріальнымъ могуществомъ, но и духовнымъ, входя постепенно во всѣ духовные и нравственные изгибы христіанскаго бытія" *).

Жизнь нашего переполненнаго евреями края представляетъ массу фактовъ въ подтвержденіе этихъ общихъ мыслей объ необходимо-отрицательномъ и могущественно-пагубномъ нравственномъ вліяніи еврейскаго элемента на христіанское населеніе. Всюду, гдѣ этотъ элементъ приходитъ въ соприкосновеніе съ христіанами, онъ вноситъ въ нравственный міръ послѣднихъ антихристіанское начало эгоизма съ самыми низкими матеріальными тенденціями и съ пренебреженіемъ ко всему идеальному, вноситъ отрицаніе авторитета, власти и закона, вноситъ космополитизмъ, противный всякимъ чувствамъ и стремленіямъ патріотизма. Люди, близко стоящіе, могутъ наблюдать всѣ эти явленія напр. въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ % евреевъ довольно значителенъ и достигаетъ до 1/3 и болѣе всего состава воспитанниковъ. Нравственная распущенность въ одной по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ намъ гимназій (nomina sunt odiosa), паденіе въ ней всякой дисциплины и вслѣдствіе этого изумительно-жалкое состояніе учебнаго дѣла совершенно справедливо должны быть отнесены значительною долею на счетъ растлѣвающагося вліянія еврейства. Смотря на школу и образованіе только какъ на средство, но всѣми своими симпатіями и тенденціями оставаясь евреями въ такой же степени какъ и ихъ отцы, дѣти еврейскаго происхожденія не связаны съ школою нравственно, не могутъ надлежащимъ образомъ уважать ея требованія и правила, и поэтому являются всегда проводниками началъ отрицанія къ авторитету и порядкамъ школы, равно какъ и ко всѣмъ идеаламъ русскаго человѣка и христіанина,—насколько, конечно, позволяютъ ихъ сношенія и вліяніе на русскихъ дѣтей. Неоспоримо, къ сожалѣнію, что еврейскіе элементы гораздо болѣе крѣпки и упруги, чѣмъ элементы русской натуры, и еврейство въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ и другихъ учрежденіяхъ гораздо больше

---

*) „Русь" 1881 г. № 31 стр. 2 и 3.

вліяетъ своими отрицательными началами на русскихъ, чѣмъ само усвояетъ положительныя русскія и христіанскія идеи и принципы. Безспорно, совмѣстное обученіе евреевъ съ русскими очень дорого обходится послѣднимъ: „ассимилируя себѣ евреевъ, мы истинно вгоняемъ внутрь себя ядъ отрицанія“ *).

Но, оставляя эту сторону вопроса, обратимся къ ближайшей, болѣе доступной для нашего наблюденія сферѣ деревенской жизни. Міродержавство евреевъ въ деревнѣ осуществляется двумя средствами—путемъ шинковъ и поссесіи. Первое средство, наиболѣе распространенное, кому неизвѣстно во всей широтѣ своего гнуснаго вліянія? Для развращенія народа достаточно было бы и однихъ еврейскихъ шинковъ, но у насъ въ Грузькѣ вліяніе еврейскаго шинка соединяется еще и съ силою еврейской поссесіи. Въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне особенно заинтересованы наймомъ земли у поссессора или работами у него, а таково именно с Грузька, поссессія даетъ поссессору громадную силу и возможность всяческаго матеріальнаго, а чрезъ то и нравственнаго, гнета на крестьянъ. Подъ такимъ гнетомъ уже десять лѣтъ имѣетъ несчастіе состоять село Грузька у еврея Меера Матковскаго. Получивъ неограниченное довѣріе у владѣльца имѣнія Ф—га и пользуясь его сильнымъ покровительствомъ, Матковскій представляетъ собою всевластный авторитетъ, предъ которымъ преклоняются всѣ наши сельскія власти, а чрезъ нихъ волею-неволею и все крестьянство. И какъ не преклониться, когда еврейская эксплоатація поработила крестьянъ не хуже недоброй памяти крѣпостнаго права? Побробуй крестьянинъ попасть въ немилость къ Матковскому,—послѣдній располагаетъ множествомъ средствъ отомстить ему. Выйдетъ такой крестьянинъ къ поссессору на работу,—его прогонятъ; долженъ ему поссессоръ за прежніе труды,—долга своего онъ не получитъ ни деньгами, ни даже квиткомъ на водку изъ шинка Матковскаго; выйдетъ его гусь или свинья на улицу,—они тотчасъ будутъ забраны въ экономію какъ пойманныя будтобы на потравлѣ, и за возвратъ ихъ хозяинъ долженъ будетъ уплатить штрафъ, какой угодно будетъ наложить Матковскому. Мало того, неугодный поссессору крестьянинъ подвергнется и всякимъ притѣсненіямъ и обидамъ отъ сельскихъ властей: покорные слуги Матковскаго, они безъ очереди будутъ посылать такого несчастнаго къ отбыванію общественныхъ повинностей, разобьютъ ему варистую печку и окна даже зимой, если у него нѣтъ сегодня слѣдующихъ съ него оброчныхъ денегъ и пр. и пр. При такомъ всевластномъ могуществѣ матеріальномъ, Матковскій не стѣсняется вліять на крестьянъ въ извѣстномъ смыслѣ и нравственно, и притомъ не только косвенно, но и прямо, открыто. Вотъ нѣкоторые факты. Большіе христіанскіе праздники здѣсь преимущественно служатъ для евреевъ рабочими днями. Въ будни крестьянинъ занятъ своими работами, а въ праздникъ онъ свободенъ,—и вотъ Матковскій и его агенты то обильною дозою водки, то заманчивыми обѣщаніями, то угрозами склоняютъ крестьянъ въ день Успенія Богоматери свозить хлѣбъ съ полей, въ день Воздвиженія возить дрова, въ день Покрова перевезти сѣно и овесъ на арендуемую евреемъ станцію на шоссе и т. п. Не говорю уже о высокоторжественныхъ дняхъ, въ которые работы у поссессора не прекращаются. Услышавъ звонъ церковный, крестьянинъ иногда и отказывается работать, заявляя, что „сегодня праздникъ, когда батюшка звонитъ“, но поссессоръ отвѣчаетъ на это: „піпъ за то жалованье получаетъ, а вы должны работать, а если ты не пойдешь, то я найдусь отомстить тебѣ“. И сколько бы батюшка не звонилъ, церковь остается пуста. Въ нравственномъ отношеніи с. Грузька пользуется очень недоброю славою. Воровство и конокрадство, пьянство, всякаго рода мошенничество, крайняя грубость далеко пронесли имя Грузецкаго крестьянина не только въ окрестности, но и въ судебныхъ учрежденіяхъ. Винокурня и шинокъ Матковскаго—

---

*) По этому поводу мы не можемъ не замѣтить странности притязаній нашей еврейской газеты на допущеніе евреевъ въ церковно-приходскія школы. Допустивъ въ принципѣ такое право евреевъ, вовсе несогласное съ самымъ существомъ церковно-приходской школы, мы рискуемъ подвергнуть ее серіозной опасности заполоненія ея евреями (особенно въ мѣстечкахъ), и затѣмъ конечно уже полнаго уничтоженія ея существеннаго характера и цѣли. Еврейская газета говоритъ, что и прежде евреи принимались въ церковно-приходскія школы. Но мы знаемъ только одинъ фактъ, что въ Кіевскую Вознесенскую церковно-приходскую школу допущены были одинъ или два еврейскихъ мальчика, но допущены только въ видѣ исключенія и *съ разрѣшенія митрополита* (покойнаго высокопр. Арсенія). Нѣтъ, пусть какъ угодно вопіетъ противъ насъ еврейскій либерализмъ, подгоняемый въ своихъ образовательныхъ притязаніяхъ льготами по воинской повинности и подобными мотивами, мы должны поберечь отъ еврейскаго захвата по крайней мѣрѣ наши церковно-приходскія школы. Не простираетъ же, думаемъ, еврейское „міродержавство“ своихъ притязательныхъ плановъ, хотя бы и въ будущемъ, и на наши духовно-учебныя заведенія... *Ред.*

нужно отдать имъ справедливость, въ дѣлѣ развращенія Грузецкихъ крестьнъ, должны занимать первое если не исключительное мѣсто. Матковскій для кабацкаго развращенія придумалъ истинно-адское средство. За работу крестьянамъ онъ никогда почти не платитъ деньгами, а всегда квитками на водку изъ его же шинка; замѣняя деньги, водка хотя и тухлая, хотя и съ разными вредными примѣсями, получается все-таки въ изобиліи и дѣлаетъ свое дѣло, спаивая и стараго и малаго. Но мало этого. Повѣритъ ли читатель?—еврей Матковскій является у насъ и открытымъ пропагандистомъ противныхъ ученію православной церкви доктринъ. Пишущему эти строки сообщали, будто Матковскій открыто проповѣдуетъ крестьянамъ, что въ великій постъ довольно поститься шесть дней, а въ воскресенье можно разрѣшать на мясоястіе, подобно тому какъ у евреевъ съ 14 по 20 сентября постъ, а 21-го мясоястіе. При такихъ тенденціяхъ и при множествѣ всевозможныхъ злоупотребленій еврейской эксплоатаціи, въ своей энергической дѣятельности матеріальному и нравственному растлѣнію с. Грузькой, Матковскій встрѣчаетъ естественнаго противника себѣ въ одномъ только лицѣ—мѣстномъ священникѣ, но, къ сожалѣнію, является и здѣсь побѣдителемъ. Расчитывая на покровительство своего патрона въ высшихъ сферахъ, онъ позволяетъ себѣ вести съ крестьянами такія бесѣды: „А что ты, Степанъ, заплатилъ попу за погребеніе своего дитяти? А ты, Иванъ, сколько далъ за повѣнчаніе своего сына“? и узнавъ сумму заплаченнаго, хотя бы она была самая ничтожная, замѣчаетъ: „такому попу я не заплатилъ бы ничего, потому что онъ васъ грабитъ, притѣсняетъ, обираетъ. И почему вы на него не жалуетесь? Если бы я былъ вашей вѣры, то давно бы на него пожаловался“. И крестьянинъ, не смотря на всѣ нечестные поступки въ отношеніи къ нему Матковскаго—квитки, учетъ платы съ половинными крестьянскими посѣвами, несправедливый загонъ скота и птицы, все ему прощаетъ то за кусокъ земли, взятой у Матковскаго, то за водку изъ шинка Матковскаго, и въ угоду ему и праздниковъ не чтитъ и священника честнаго чернитъ, какъ только его умъ способенъ, и даже неправды его прикрываетъ при оффиціальныхъ допросахъ. При такихъ обстоятельствахъ естественно положеніе священника въ с. Грузькой крайне тягостно и невыносимо и въ матеріальномъ и въ нравственномъ отношеніи. Поэтому обыкновенно священникъ у насъ послужитъ годъ или немного болѣе и постарается перейти на другое мѣсто, оставляя приходъ въ томъ же положеніи, въ какомъ принялъ отъ предшественника. И это—молодые безсемейные люди. Удивительно ли, что нынѣшній многосемейный священникъ старается какъ можно поскорѣе оставить Грузецкій приходъ? И кто можетъ упрекнуть этихъ людей, если и при самыхъ добрыхъ стремленіяхъ, они не въ силахъ вести борьбу со зломъ, укоренившимся и охватившемъ приходъ съ ужасающею и непреодолимою силою? Запрещеніе аренды евреямъ, если только имъ не удастся обойти и этотъ законъ, безспорно будетъ привѣтствоваться съ восторгомъ во всѣхъ мѣстностяхъ, подобно нашему селу испытывающихъ на себѣ тяжкій гнетъ евреевъ-арендаторовъ.

В. А. С—ъ.

Закладка церкви въ с. Черняховѣ, кіев. у.

(Эпизодъ изъ приходской жизни къ вопросу о дробленіи приходовъ).

28 апрѣля, истекшаго года, въ с. Черняховѣ, кіевскаго уѣзда, совершилась закладка новой, деревянной, на каменномъ фундаментѣ, двух-престольной церкви. Событіе это, не экстраординарное вообще, въ нашей сельской жизни составило настоящее церковно-общественное торжество. И прихожане с. Чертяхова, и ближайшіе сосѣди ихъ, подготовленные давнею мыслію объ этой постройкѣ, въ множествѣ сошлись къ соборному по этому случаю служенію. Въ настоящее время, когда первыя впечатлѣнія событія улеглись, и—главное—когда церковь вчернѣ почти окончена, мы считаемъ весьма умѣстнымъ воспроизвести какъ самое событіе, такъ и сподручныя съ нимъ обстоятельства. Для приходской жизни с. Чертяхова, это составитъ, безъ сомнѣнія, одну изъ интересныхъ лѣтописныхъ страницъ.

Новая церковь для Черняхова уже давно составляетъ положительную необходимость. Черняховъ, красиво раскинутый въ долинѣ между двухъ горъ на протяженіи почти трехъ верстъ, есть одинъ изъ населеннѣйшихъ пунктовъ въ данной мѣстности. Въ теченіе полутораста лѣтъ изъ самаго незначительнаго хутора Черняховъ разросся до многолюднаго села. Постройка новой церкви оказалась настоятельнѣйшимъ требованіемъ времени. Нынѣшняя церковь, выстроенная, по актамъ, приблизительно около 1752 года, въ сравненіи съ нынѣшнимъ количествомъ

черняховскаго народонаселенія оказалась весьма малою и невмѣстительною. Кромѣ того и время взяло свое: нынѣ она довольно старая и почернѣвшая, какъ ни одна въ окружности. Лѣтъ 70 назадъ церковь была расширена и увеличена пристройкою двухъ предѣловъ; но придѣлы эти скорѣе усиливали неприглядность самой церкви, чѣмъ возвышали ея удобства. Совнѣ эти придѣлы нарушали фундаментальныя стѣны самой церкви и совершенно обезображивали фасадъ,—внутри только загромождали церковь лишними перегородками и неказистыми пристройками. Все это необходимо требовало, чтобы новое общество, разросшееся и обновленное временемъ, позаботилось о новомъ храмѣ.

И мысль о такой постройкѣ дѣйствительно возникла не со вчерашняго дня. Лѣтъ 10-ть по крайней мѣрѣ она занимала мѣстное общество съ такою силою, что была, можно сказать, душею всѣхъ его приходскихъ дѣйствій и желаній. Неоднократно на своихъ сходахъ общество искренно и единодушно заявляло необходимость постройки новой церкви; два или три раза давало формальные приговоры для сбора денегъ на постройку, выбрало наконецъ уполномоченныхъ для веденія дѣла постройки новой церкви; но самое дѣло все какъ-то не ладилось и не давалось. Въ послѣднее время, вслѣдствіе постоянныхъ неудачъ, въ приходѣ началась своего рода реакція. Начали поговаривать, что пожалуй нѣтъ и нужды въ новой церкви, достаточно ремонтировать старую и все пойдетъ благополучно. Вѣдь молились же отцы и въ старой церкви! Состояніе, очевидно, скорѣе болѣзненно-раздражительное, нежели нормальное. Считаемъ небезъинтереснымъ въ короткѣ прослѣдить всю исторію этого дѣла, тѣмъ болѣе, что въ общемъ представленіи оно даетъ полновѣсный отвѣтъ на нѣкоторые вопросы нашей приходской жизни.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что дѣло проэктируемой церкви тормозилось не недостаткомъ матеріальныхъ средствъ. Собственно говоря, ихъ было дѣйствительно весьма недостаточно для всей постройки; но какъ ни странно это можетъ показаться кому-либо— у насъ на селѣ это считается далеко не существеннымъ обстоятельствомъ. Можно сказать необинуясь, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ всѣ сельскія церкви начинаютъ свою постройку далеко не при наличныхъ средствахъ. Обыкновенно если есть даже третья часть необходимаго капитала, постройка начинается смѣло. Чтобы понять это явленіе, слѣдуетъ совершенно отрѣшиться отъ того предубѣжденно-отрицательнаго взгляда на церковно-приходскую жизнь селъ, о которой такъ нерѣдко плачутся совопросники вѣка. Она дѣйствительно не хороша, когда трактуютъ ее подъ своимъ угломъ зрѣнія и тѣмъ болѣе когда стараются влiять на нее неподходящими способами. Но она является неподражаемою, когда идетъ сама собою, въ духѣ вѣковѣчныхъ народныхъ началъ, не смущаемая чуждыми ей вліяніями. Въ такомъ случаѣ такое предпріятіе, какъ постройка церкви, всецѣло объединяетъ приходъ, концентрируетъ около себя всѣ мысли и желанія, одушевляетъ всѣхъ до высочайшей готовности пожертвовать для дома Божія всѣмъ возможнымъ. Эта-то великая готовность на пожертвованія и составляетъ, какъ говорятъ у насъ, живой капиталъ на постройку церкви, капиталъ почти всегда надежный. Постройка церкви, въ періодъ такого одушевленія, дѣлается для прихода своего рода религіозною миссіею, при которой съ полнымъ самоотверженіемъ оттѣсняются на задній планъ всѣ остальные его интересы.

Неудача Черняховцевъ при постройкѣ новой церкви происходила не отъ недостатка матеріальныхъ средствъ, а отъ другой причины. Регуляторомъ и руководителемъ прихода въ одушевляющемъ его святомъ дѣлѣ естественно является священникъ. Но начиная съ 1867 года, когда выбылъ изъ прихода *одинъ* штатный священникъ, въ Черняховѣ начинаютъ появляться одновременно по два священника, и приходъ въ буквальномъ смыслѣ слова дѣлается ареною всевозможныхъ дрязгъ и неприличій. Для многихъ читателей „Еп. Вѣд." извѣстна система дробленія приходовъ, съ условіями самаго неопредѣленнаго характера и съ задатками самаго недобраго качества. Въ свое время она оправдывалась побужденіями самыми благовидными и исторія не забудетъ ее. Кажется она выродилась изъ побужденій противуположныхъ стремленію—сокращенія приходовъ, и, какъ крайность, сказалась въ жизни тѣми же непривлекательными качествами, что и ея противница. Повидимому забываютъ, что приходъ—сплоченный и ординарный, не смотря на наше дѣленіе—большій и меньшій, во всякомъ случаѣ есть единица, нажитая жизнію, и слѣдовательно живая. Распоряженіе ею по своему вкусу непремѣнно будетъ наказано самою жизнію. Черняховъ и въ этомъ отношеніи даетъ намъ полновѣсное заявленіе. Борьба двухъ священниковъ, борьба больше изъ за куска хлѣба и за самое право существованія въ приходѣ, не могла не отразиться на приходѣ. Таково уже значеніе священника, что самые недостатки его дѣлаются предметомъ вниманія. Черняховъ раздѣлился на партіи

и былъ посвященъ самыми спорящими во всѣ аксессуары своихъ пререканій; дрязга вошла во вкусъ, и приходъ, незамѣтно самъ для себя, отозвался на нее самыми худшими сторонами. Вопросъ о постройкѣ церкви естественно былъ живѣйшимъ вопросомъ для каждаго изъ священниковъ. Но при взаимныхъ пререканіяхъ и интригахъ двухъ совмѣстныхъ священниковъ приходскій пастырь потерялъ въ этомъ вопросѣ свое естественное право руководителя прихода, и когда довѣріе прихода къ священнику было потеряно, дѣло перешло въ другія менѣе надежныя руки и по необходимости затормозилось и запуталось. Прежде впрочемъ чѣмъ будемъ говорить объ этомъ, приведемъ списокъ всѣхъ священниковъ, перебывавшихъ въ Черняховѣ съ 1867 г. по августъ 1878 г., время нашего назначенія. Послѣ священника *Андрея Лихняковича*, выбывшаго изъ прихода въ февралѣ 1867 г. вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей, почти полгода приходъ былъ наблюдаемъ сосѣдними священниками—*Александромъ Семперовичемъ* и *Никитою Яворскимъ*. Затѣмъ по назначенію слѣдуютъ—*Стефанъ Дирдовскій*, *Іоаннъ Пахаловичъ*, *Никифоръ Пожарскій*, *Іоаннъ Прокоповичъ*, *Діонисій Турчановичъ*, *Яковъ Тарасьвичъ*, *Андрей Сикачинскій*, *Θеодоръ Линчевскій*, *Михаилъ Кудревичъ и Александръ Богорскій*. Такимъ образомъ на десять лѣтъ—десять священниковъ: фактъ краснорѣчивый, говорящій весьма убѣдительно, что жизнь священниковъ въ Черняховѣ была далеко не сладка. Дѣло естественное. Людямъ, и притомъ семейнымъ, поставленнымъ другъ къ другу въ положеніе (по техническому выраженію духовенства) нахлѣбника, такъ естественно напасть другъ на друга, такъ естественно стараться *изжить* другъ друга... Понятно ли для всякаго это ужасное желаніе *изжить* товарища?! Это цѣлая драма,—положительно приходской расколъ! И только прикоснувшись къ такимъ явленіямъ непосредственно, можно судить о нихъ во всей широтѣ и полнотѣ ихъ ненормальности...

Разумѣется не всѣ изъ поименованныхъ священниковъ служили въ Черняховѣ одинаковое время. На долю нѣкоторыхъ изъ нихъ довелось прожить здѣсь очень не долго, почему и вліяніе ихъ прошло почти безслѣдно. Нѣкоторые же однако имѣли терпѣніе остаться здѣсь по нѣскольку лѣтъ, и, вкусивъ сладость черняховскихъ порядковъ, явились б. м. невольными инціаторами въ постройкѣ новой церкви. Первымъ опытомъ въ этомъ родѣ былъ 1871 годъ. Общество крестьянъ села Черняхова, собравшись на сельскій сходъ и выслушавъ предложеніе о постройкѣ у себя новой церкви, отнеслось къ предположенію в. сочувственно и тутъ же постановило сборъ на постройку церкви по 1 рублю съ десятины. Почпнъ весьма почтенный, такъ какъ давалъ возможность собрать 1222 р. Но тутъ сразу же возникъ и вопросъ—куда пріурочить эти деньги и какъ поступить съ ними до времени постройки? Самая постройка представлялась еще въ далекой перспективѣ, священники же такъ часто мѣняются и тоже не представляютъ надежной опоры... Порѣшили—сдать ихъ въ волостное правленіе, а послѣднее, какъ кажется безъ всякаго полномочія, скомпоновало изъ нихъ родъ банка съ своеобразнымъ названіемъ „церковной вспомогательной кассы". Деньги изъ 6% пошли въ оборотъ среди того-же общества, и первоначальная цѣль ихъ современемъ какъ бы совсѣмъ затерялась. Во всякомъ случаѣ, какъ оказывается теперь, общество хотя и пользовалось до послѣдняго времени услугами импровизированнаго банка, но не видя за все время существованія его ни контроля, ни отчета, относилось къ нему далеко не съ довѣріемъ. Непроницаемая тайна, которою обставили заправилы свои дѣйствія и наконецъ видимыя нѣкоторыя несообразности, давали чувствовать, что дѣло стоитъ не ладно. Начали поговаривать, что лучше совсѣмъ не дѣлать сборовъ на церковь, нежели дѣлать при такихъ условіяхъ. Выводъ безотрадный, особенно въ виду будущаго!.. Но кого же собственно говоря и винить за все это, когда легальное право контроля принадлежало самому же обществу?.. Въ 1880 году это право перешло къ попечительству, но, получивъ его, попечительство имѣло непріятность только убѣдиться, что подозрѣнія общества совершенно основательны. На требованіе попечительства дать отчетъ въ суммахъ „церковной вспомогательной кассы", Черняховское волостное правленіе, отношеніемъ отъ 27 сентября 1880 г., № 957, отвѣтило, что въ канцеляріи волостнаго правленія нѣтъ никакихъ документовъ для этой отчетности, и попечительство вынуждено было получить то, что ему дали. Такъ и доселѣ «касса» остается не обсчитанною и неприведенною въ ясность.

Прошло 5 лѣтъ, пока Черняховское общество возвратилось къ задуманному въ 1871 году предпріятію. Говоря вообще—не мысль о постройкахъ новой церкви затерялась въ обществѣ, затормозилась иниціатива дальнѣйшаго продолженія дѣла. Мѣна священниковъ, а съ ними и мѣна вліяній, шли своимъ чередомъ. Черняховское общество если когда, то въ это время нажило и боль въ сердцѣ отъ происходив-

шихъ у него порядковъ, и тяжелый опытъ. Жизнію общества руководило главнымъ образомъ волостное правленіе и среди него исподоволь выработывалось убѣжденіе, что для того, чтобы церковно-приходская жизнь его роднаго села, какъ бы задержанная въ своемъ правильномъ развитіи, направилась вновь своимъ естественнымъ русломъ, надлежитъ—или по прежнему оставить у себя одного штатнаго священника, или хлопотать о раздѣлѣ прихода на двѣ части съ двумя церквами. Убѣжденіе это и высказалось впервые 22 марта, 1876 года, на сельскомъ сходѣ. Возвращаясь къ мысли о постройкѣ новой церкви, общество въ тоже врдмя видимо и чрезвычайно озабочено бы вопросомъ о мѣстѣ для новой церкви. Становилось ясно, что и самая постройка новой церкви можетъ не дать имъ желательнаго блага—спокойствія, а въ такомъ случаѣ—зачѣмъ и церковь?.. Порѣшили, не устанавливая никакого сбора собственно на постройку новой цркви, выбрать 6 благонамѣренныхъ уполномоченныхъ и имъ поручить ходатайство о всѣхъ вопросахъ, подготовительныхъ къ постройкѣ.

Уполномоченные—явленіе обыденное въ сельской жизни. Но какое значеніе имѣетъ полномочіе, когда оно дается людямъ неграмотнымъ, неопытнымъ и непонимающимъ того дѣла, которое вручается имъ? Вѣдь не полномочіе само по себѣ даетъ жизнь дѣлу, а уполномоченные, отдающіеся на это полномочіе... Чорняховскіе уполномоченные по постройкѣ церкви даютъ вѣскій отвѣтъ на поставленный вопросъ. Оказалось, что волостное правленіе съ уполномоченными продѣлывало тѣже махинаціи, что и вообще со сходомъ. Уполномоченные собственно говоря служили пассивнымъ орудіемъ волости и несли въ Кіевъ изъ волости то, что имъ давали. Въ данномъ случаѣ заслуга уполномоченныхъ ограничилась подачею одного (и то непроизводительнаго по послѣдствіямъ) прошенія въ Кіевское губернское церковно строительное присутствіе о постройкѣ въ с. Чевняховѣ новой церкви и уменьшеніемъ собраннаго церковно-строительнаго капитала, такъ какъ уполномоченнымъ естественно потребовались *прогонныя* и *суточныя* деньги. Такъ во всемъ наша волость хочетъ подражать учрежденіямъ высшей культуры!.. Характеренъ въ этомъ случаѣ взглядъ самыхъ черняховскихъ крестьянъ на своихъ уполномоченныхъ. Подсмѣиваясь надъ ними совершенно недвусмысленно, крестьяне опредѣляютъ роль ихъ—смотрѣніемъ за *торбою* (мѣшокъ съ хлѣбомъ) въ то время, когда другіе (напр. писарь) орудуютъ за нихъ!..

Впрочемъ получилась, хотя отрицательная, и польза отъ уполномоченныхъ. Уже самое существованіе ихъ и полная зависимость отъ волости дали понять крестьянамъ, что на шею свою они взвалили только новую обузу, а дѣло-то врядъ ли выгоритъ. Въ дѣйствительности такъ и выходило, а этотъ новый опытъ послужилъ отличной подпочвой еще для одной комбинаціи. Подъ вліяніемъ свящ. Сикачинскаго (нынѣ умершаго) пронеслась мысль объ учрежденіи въ приходѣ церковно-приходскаго попечительства. О попечительствѣ, по видимому, приходъ имѣлъ смутныя понятія и видѣлъ въ немъ нѣчто доброе; во всякомъ случаѣ мысль о немъ встрѣчена съ довѣріемъ. Жаль только, что и ему—этому попечительству, какъ и всему въ Черняховѣ, не суждено было сразу стать на дѣйствительную почву. Свящ. Сикачинскій—инициаторъ попечительства—былъ человѣкъ болѣзненный и даже слабый. Пустивъ въ ходъ идею попечительства, онъ вслѣдъ затѣмъ захотѣлъ и руки умыть. Его слабостію и воспользовался нѣкто М., человѣкъ горластый въ обществѣ и предпріимчивый на всю руку. Въ груди М. текла кровь мѣстнаго аристократизма: отецъ его 24 года былъ старшиною и его ли дѣтямъ не держать сельскаго знамени высоко?.. Не задумываясь долго и сойдясь съ наличнымъ старшиною, онъ въ одно прекрасное время тогоже 1876 г. написанъ приговоръ общества объ избраніи попечительства, составилъ списокъ членовъ и самъ совершенно естественно явился въ ихъ главѣ, какъ предсѣдатель. Главное, по мнѣнію М., сдѣлано, вопросъ объ его утвержденіи остался для него второстепенымъ. Поэтому, хотя избирательный актъ, какъ неподписанный всѣмъ наличнымъ составомъ священнослужителей и заподозрѣнный кромѣ того въ своей законности, и не былъ утвержденъ Епархіальнымъ Начальствомъ,—но М. нашелся и заявилъ публично, что приговоръ объ избраніи попечительства не утверждается, а только сообщается Епархіальному Начальству къ свѣдѣнію. Работа закипѣла. Отъ имени попечительства заведены сношенія съ кіевскимъ губернскимъ церковно-строительнымъ присутствіемъ объ изготовленіи плана на церковь и ассигнованіи субсидіи, отъ общества потребованъ новый укладъ на церковь, а въ концѣ года—заявлено требованіе и о сдачѣ, на имя попечительства, всѣхъ приходскихъ шинковъ съ цѣлію весь заработокъ обратить въ пользу церкви. И нужно отдать честь обществу,—оно во всемъ удовлетворило требованію М. Укладъ, особымъ приговоромъ, сдѣланъ отъ *дѣлянки* (душевой надѣлъ), что составило

1930 р.*), шинки тоже отданы... Сами крестьяне какъ бы оживились: энергія мнимаго попечительства подѣйствовала и на нихъ возбудительно.

Неутвержденіе попечительства однако не могло не занимать М. И такъ какъ виновникомъ сего онъ считалъ другаго черняховскаго священника (однимъ былъ Сикачинскій), то удалить его изъ прихода онъ почелъ совершенно необходимымъ, и притомъ по силамъ. Кстати, на его сторонѣ было какъ будто и общественное броженіе, высказывавшееся не въ пользу двухъ священниковъ. Личный характеръ священниковъ тоже ему благопріятствовалъ. М. началъ дѣйствія и съ этой стороны. Располагая мѣстною администраціею по своему, онъ сблизился съ учителемъ черняховскаго народнаго училища. Школа сдѣлалась ареною сборищъ и попоекъ, а учитель непосредственнымъ агентомъ всякихъ затѣй. На нежеланнаго священника посыпались Епархіальному Начальству прошенія и обвиненія, въ которыхъ мысль объ удаленіи этого священника изъ ихъ прихода верховодила. На мѣстѣ—въ самомъ селѣ—посыпались на священника оскорбленія за оскорбленіями: у него отняли ключи отъ церкви и не пустили въ церковь, у него заарестовали хлѣбъ, выхоженный имъ съ молитвою, на него взвели обвиненіе, что онъ сорвалъ какое-то объявленіе, выставленное волостію въ оградѣ церковной et caet. Въ свое время все это и многіе другое—составляло предметъ особыхъ хлопотъ для обѣихъ сторонъ, а вообще для церковно-приходской жизни оно было истиннымъ бѣдствіемъ. Приходскія безпорядки достигли своего зенита: М. видимо пересолилъ. Но эта же неумѣренность наконецъ дало возможность самому обществу оцѣнить и побужденія М., а затѣмъ и отшатнуться отъ него. Мнимое попечительство, какъ оказалось, существовало только въ лицѣ М. и остальные члены были здѣсь ни причемъ, даже и собирая ихъ исподоволь (непремѣнно въ школѣ), онъ имѣлъ виды скорѣе давать имъ приказы, нежели вести совѣщанія. Соберется бывало мнимое попечительство, явится предсѣдатель, одѣтый въ старостинскій кафтанъ отца своего**), займетъ свой предсѣдательскій табуретъ, а члены попечительства извольте постоять. Вотъ предсѣдатель и заговорилъ, но члены не извольте возражать, не то безъ церемоніи зазвонитъ въ звонокъ, распорядится остановить, а то и вывесть, и дѣлу конецъ. Вѣдь тутъ же—правой рукой предсѣдателя—засѣдаетъ и старшина... Съ трудомъ, скажете, вѣрится, но преданіе совершенно свѣжо, да и доподленно... Тоже самое было и во всемъ, что исходило отъ попечительства. Ни контроля, ни отчета въ своихъ дѣйствіяхъ и операціяхъ онъ не жалалъ имѣть; въ сношеніяхъ съ В. Г. церковно-строительнымъ присутствіемъ, съ волостію и др. онъ руководился личною волею... попечительство, какъ учрежденіе, видимо было скомпрометировано. И о немъ начали говорить невыгодно и отождествлять его дѣйствія съ дѣйствіями волости. Общество раздѣлилось. Партія угнетаемаго священника (названная солдатскою, такъ какъ во главѣ ея находились два фельдфебеля) начала на М. и потребовала отчета въ шинковыхъ суммахъ, но, не получивъ его, обратилась къ старшинѣ, какъ фавориту М. Оборотъ дѣлался острымъ, постарались найти видъ бунта. По поводу послѣдняго изворота въ село дѣйствительно съѣзжала цѣлая коммисія и главарямъ похлебалось несолено. Но и М., заварившему всю эту кашу, тоже прійдется сѣсть на скамьѣ подсудимыхъ и компетентность новаго окружнаго суда скажетъ ему свое слово... Уже намъ, на основаніи распоряженія Еп. Н. объ учрежденіи въ Черняховѣ попечительства, суждено было пріостановить затѣи М. и заявить обществу, что у него до поры до времени нѣтъ попечительства, и дѣйствіе страстей исподоволь остановилось. Но во всякомъ случаѣ—для церковно-приходской жизни Черняхова, и въ частности для постройки новой церкви, это было чрезвычайно тяжелое время. Подробности всего этого, занесенныя въ отчетъ попечительства 1880 г. сказались на обществѣ такою парализаціею, что оно буквально не знало, что ему дѣлать и за что взяться, кому вѣрить и кому вручить дѣло постройки новой церкви. Удивительно ли, что и самая мысль объ этой постройкѣ начала подъ конецъ извращаться и получать форму простой ремонтировки стараго зданія?..

(Окончаніе будетъ).

Священникъ *Серапіонъ Подгаецкій.*

---

*) Но замѣчательно: деньги на этотъ разъ не поступали уже въ волость, равно не сданы сейчасъ и попечительству. Полностію они пролежали 3 года на рукахъ сборщика и сохранились сполна. Наука, выходитъ, не йдетъ въ лѣсъ.

**) Старикъ М., выбывъ старшиною, умеръ церковнымъ старостою.

Священникъ Андрей Мировичъ (благочинный 1-го округа Радомысльскаго уѣзда). Некрологъ.

24-го прошлаго февраля, при многочисленномъ стеченіи народа и окружнаго духовенства, мы опустили въ могилу въ Бозѣ почившаго глубокочтимаго о. благочиннаго нашего, священника Андрея Михайловича Мировича, который скончался на 58

году отъ рожденія, послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни (плеврита).

Покойный по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ людей, и скромная роль сельскаго священника не помѣшала ему проявить все величие своего духа, а потому преждевременная кончина его составляетъ тяжелую утрату для всѣхъ, кто только зналъ покойнаго: окружное духовенство потеряло въ лицѣ его опытнѣйшаго и благонамѣреннаго совѣтника и руководителя; приходъ потерялъ добраго, кроткаго, энергичнаго и заботливаго пастыря и отца; наконецъ семейство покойника потеряло достойнѣйшаго, любящаго и также чистосердечнолюбимаго и благоговѣйно-уважаемаго дѣтьми, благоразумнаго и чрезвычайно заботливаго отца, воспитателя и руководителя дѣтей. Заботы по воспитанію дѣтей составляли одну изъ главныхъ заботъ его, которой онъ отдавался съ полнымъ самоотверженіемъ и именно съ *самоотверженіемъ*: ибо чего, какой борьбы и какихъ усилій стоило для него, 36 лѣтъ служившаго въ приходѣ селѣ Новакахъ—глубинѣ радомысльскаго уѣзда, воспитаніе и устройство положенія довольно большаго семейства его, это можетъ быть понятно лишь для тѣхъ, кто живетъ или жилъ когда нибудь въ нашемъ уѣздѣ, гдѣ многіе отцы по неимѣнію средствъ или вынуждены отказывать дѣтямъ въ воспитаніи, или же, и начавши воспитаніе своихъ дѣтей, затрудняются довести его до конца. Не такъ думалъ и не такъ поступалъ покойный о. Андрей: слабый тѣломъ, но всегда бодрый духомъ, глубоко проникнутый и одушевленный христіанскимъ сознаніемъ отцовскаго долга, онъ съ замѣчательною и, какъ кажется, только ему одному свойственною энергіею и силою характера шелъ на встрѣчу всѣмъ препятствіямъ и побѣждалъ ихъ: безъ преувеличенія можно сказать, что онъ день и ночь трудился, отказывая себѣ во многомъ и даже въ необходимомъ, дабы имѣть средства облегчить дѣтямъ путь образованія и воспитать въ нихъ достойныхъ и полезныхъ членовъ общества. За то и награждалъ Господь Богъ эти труды и заботы покойнаго о. Андрея рѣдкимъ успѣхомъ: шестеро дѣтей, воспитаніе которыхъ доведено до конца средствами и заботами самаго покойнаго, служатъ достойнымъ примѣромъ и выраженіемъ добраго и благоразумнаго вліянія на нихъ достойнѣйшаго отца ихъ. Въ семейной средѣ своей покойный о. Андрей Михайловичъ пользовался безпредѣльнымъ довѣріемъ, любовію и благоговѣйнымъ уваженіемъ: одного слова, одного взгляда его достаточно было для того, чтобы дѣти его, которые давно уже имѣютъ и воспитываютъ своихъ дѣтей, сознательно подчинились ему, и это основывалось единственно на признаніи его нравственнаго авторитета въ глазахъ дѣтей и на той чистой и цѣльной семейной любви, какую умѣлъ воспитать въ дѣтяхъ покойный о. Андрей и по отношенію къ нему самому и во взаимныхъ отношеніяхъ дѣтей. Слѣдуетъ вѣрить, что та же чистая семейная любовь, разительнымъ примѣромъ которой былъ о. Андрей, останется на всегда въ его семействѣ и и она облегчитъ для оставшихся еще трехъ сиротъ-малютокъ, которые находятся въ учебныхъ заведеніяхъ, путь воспитанія, чтобы и они со временемъ были дѣтьми достойными доброй памяти отца ихъ. Вообще же мы не можемъ не сказать, что покойный о. Андрей Михайловичъ въ семейной жизни былъ счастливъ; онъ чуть ли не единственный пока въ нашемъ округѣ примѣръ того, что всѣ дѣти его поведены отлично, какъ дай Богъ воспитать своихъ дѣтей и всякому отцу, и этимъ всецѣло обязаны они неустаннымъ заботамъ и доброму нравственному вліянію отца. Поэтому давно еще при жизни покойнаго о. Андрея семейство его на языкѣ всѣхъ знавшихъ его было извѣстно подъ именемъ *благословеннаго* семейства.

Но мы погрѣшили бы и оскорбили бы память покойнаго, если бы сказали, что семейныя заботы поглощали всю энергію и вниманіе покойнаго о. Андрея Михайловича, отвлекая его отъ исполненія его долга, какъ пастыря церкви. Какъ пастырь стада Христова, глубокопроникнутый идеею своего служенія, онъ проходилъ это служеніе *нельпостно*: словомъ и примѣромъ онъ училъ своихъ прихожанъ вездѣ, гдѣ только имѣлъ поводъ и случай къ этому, усердно заботился объ удовлетвореніи нуждъ и потребностей своихъ пасомыхъ, не только духовныхъ или религіозныхъ, а и вообще во всѣхъ случаяхъ: гдѣ добросовѣстный и образованный человѣкъ въ наше время можетъ быть полезенъ нашему темному и часто беззащитному деревенскому люду, покойный являлся наставникомъ, руководителемъ, помощникомъ въ бѣдѣ и т. п. Поэтому онъ пользовался всегда полнымъ, по истинѣ сыновнимъ уваженіемъ своихъ прихожанъ и громаднымъ нравственнымъ вліяніемъ на нихъ. И вліяніе это было сильно не только въ его приходѣ, но и за предѣлами послѣдняго; такъ, по сосѣдству съ его при

ходомъ лѣтъ десять тому назадъ поселилось 100 семействъ иностранныхъ колонистовъ, которые за все время не только не внесли въ его приходъ пропаганды какого либо новаго ученія, а напротивъ, познакомившись съ покойнымъ о. Андреемъ, сами подчинились его нравственному вліянію и авторитету, питали къ нему глубокое уваженіе, и для удовлетворенія своихъ духовныхъ и религіозныхъ потребностей обращались къ о. Андрею, хотя сами они и не были православными. А какъ, съ какимъ примѣрнымъ усердіемъ онъ относился къ удовлетворенію религіозныхъ потребностей своихъ пасомыхъ, въ примѣръ этого достаточно указать на то, что при началѣ роковой болѣзни 13-го и 14 февраля сего года о. Андрей, чувствуя уже значительный упадокъ силъ своихъ, но зная, что нѣкоторые изъ его прихожанъ готовились приступить къ таинствамъ св. покаянія и причащенія, *сидя* совершилъ въ *послѣдній разъ* богослуженіе, чтобы ищущихъ удовлетворенія своей религіозной потребности не оставить безъ онаго. Такимъ же ревностнымъ и заботливымъ о своихъ пасомыхъ пастыремъ церкви Христовой покойный о. Андрей Михайловичъ былъ и во все время своего пастырскаго служенія. Поэтому, какъ пастырь церкви, оканчивая здѣсь, на землѣ, свое служеніе, онъ имѣлъ полное право сказать: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ.*

Административная дѣятельность покойнаго въ должности благочиннаго началась сравнительно недавно, съ октября прошлаго года; до того же времени, около 20 лѣтъ, онъ состоялъ помощникомъ благочиннаго, и въ этой роли успѣлъ достаточно заявить себя: мы не погрѣшимъ вѣроятно, если скажемъ въ присутствіи двухъ еще живыхъ свидѣтелей—предмѣстниковъ о. Андрея по должности благочиннаго, что въ должности помощника благочиннаго онъ былъ не просто сотрудникомъ ихъ, а опытнѣйшимъ, честнымъ и благоразумнымъ совѣтникомъ и во многихъ случаяхъ руководителемъ ихъ; что его совѣты и руководительство были принимаемы и другими изъ его предмѣстниковъ людьми нѣсколько моложе о. Андрея съ полнымъ почти сыновнимъ довѣріемъ и уваженіемъ. И нельзя не сказать, что они были счастливы выборомъ такого достойнѣйшаго сотрудника-руководителя, какимъ былъ покойный о. Андрей Михайловичъ: строгій къ самому себѣ, онъ былъ снисходителемъ къ другимъ; правый всегда имѣлъ въ немъ защитника, виновный порицателя, хотя и снисходительнаго, своихъ дѣйствій, словомъ, какъ администраторъ, покойный о. Андрей Михайловичъ всегда умѣлъ соединять правду и милость, водворять миръ и спокойствіе тамъ, гдѣ они нарушались. Какъ частныя черты покойнаго Андрея Михайловича мы должны отмѣтить, наконецъ, теплую и усердную молитву, въ живость и дѣйственность которой онъ глубоко вѣрилъ, и милостыню и вообще христіанское состраданіе къ нищимъ. Съ молитвою на устахъ онъ закончилъ свое труженическое и страдальческое, но многоплодное и благотворное для окружавшихъ его существованіе; послѣднія слова его были: „Охъ, Боже, Боже, помилуй мя грѣшнаго“,—слова, которыя выходили изъ глубины души его въ тѣхъ трудныхъ случаяхъ, а такихъ случаевъ въ его жизни было не мало, когда и его твердый и зрѣлый умъ недоумѣвалъ, какъ выйдти изъ затрудненія.

Миръ праху твоему, покой и наслажденіе благочестивой душѣ твоей, честный труженикъ, достойный и благоговѣйно уважаемый отецъ семейства, примѣрный пастырь стада Христова, добрѣйшій и благороднѣйшій собратъ и сослуживецъ! Вѣчная, добрая и благодарная память о тебѣ глубоко начертана въ сердцахъ и твоего потомства и всѣхъ, кто зналъ тебя, и она будетъ свято храниться, пока не перейдетъ къ тебѣ послѣдній изъ знавшихъ тебя здѣсь. Тебя же да наградитъ Господь Богъ вѣнцемъ вѣчной славы своей, который Онъ уготовалъ любящимъ Его.

Радомысльскаго уѣзда села Чудина

Священникъ *Лукіанъ Бѣляновскій.*

Благочинный священникъ Константинъ Волковъ *).

(Некрологъ).

9 января, настоящаго года, скончался, на 50 году жизни, благочинный 1 округа, васильковскаго уѣзда, с. Перегоновки священникъ К. Волковъ. Покойный былъ сынъ священника с. Заборья, окончилъ курсъ Семинаріи въ 1855 году, въ 1857 году рукоположенъ въ санъ священника въ с. Перегоновку, гдѣ и былъ на одномъ мѣстѣ по день смерти, прослужилъ въ должности благочиннаго послѣднихъ $7^1/_2$ лѣтъ; награды имѣлъ: набедренникъ, скуфью и камилавку.

---

*) Печатаемъ этотъ некрологъ по удостовѣреніи въ правдивости его и отъ другихъ извѣстныхъ редакціи и близкихъ къ покойному лицъ. *Ред.*

Покойный страдалъ болѣе десяти лѣтъ катарромъ желудка и другими болѣзнями, которыя особенно причиняли ему большія страданія въ зимніе мѣсяцы, когда обыкновенные пастырскіе труды еще усложнялись благочинническими занятіями. Въ такое время мы видѣли своего благочиннаго такимъ изнуреннымъ, что всякій разъ опасались за жизнь его и сердце невольно сжималось при взглядѣ на большую не пристроенную семью. Предчувствіе наше сбылось; неправильное леченіе давнихъ недуговъ, при несоблюденіи необходимой при нихъ умѣренности, подготовило новый неизлечимый недугъ—чахотку. Симптомы ея были хотя и рѣшительны, но такъ тихи, что покойный, не сознавая опасности своего положенія, не успѣлъ должнымъ образомъ приготовиться къ переходу въ загробную жизнь

Выносъ тѣла усопшаго, заупокойную литургію, а равно и отпѣваніе погребенія совершалъ помощникъ благочиннаго о. Павелъ Колтоновскій соборнѣ съ десятью священниками. Рѣчей при погребеніи произнесено три: первая священникомъ с. Яцекъ о. Михаиломъ Вышинскимъ предъ началомъ отпѣванія, вторая—сыномъ покойника предъ пѣніемъ стихиры: *Пріидите послѣднее цѣлованіе*, а третья священникомъ с. Барахт. Ольшанки Василіемъ Пахаревскимъ надъ могилою.

Покойный оставилъ жену и семь душъ дѣтей не пристроенными и безъ всякихъ средствъ къ жизни *), какъ видно изъ приводимой здѣсь вкратцѣ рѣчи сына. Послѣ обычнаго обращенія ко всѣмъ присутствовавшимъ съ просьбою молиться объ умершемъ отцѣ, этотъ старшій представитель семьи со слезами просилъ всѣхъ окружавшихъ гробъ „пособить семейству, оставшемуся безъ всякихъ средствъ къ жизни, словомъ и дѣломъ"; потомъ „испрашивалъ прощенія у тѣхъ, кого обидѣлъ покойный отецъ" и наконецъ просилъ „не мстить сиротамъ за обиды, причиненныя отцемъ. Если же, добавилъ, кто захочетъ мстить намъ, то таковые достойны будутъ презрѣнія и не могутъ назваться людьми". Это публичное обращеніе представителя семьи ко всѣмъ присутствовавшимъ при печельномъ обрядѣ, эта слезная мольба о посильной помощи сиротамъ, была такъ трогательна, что вызвала общее глубокое сочувствіе къ оставшейся въ затруднительномъ положеніи семьи, хотя послѣдняя бестактная выходка молодаго человѣка, неумѣстная его угроза презрѣніемъ вызвала рѣшительное осужденіе говорившему.

Покойный былъ умный, достойный уваженія человѣкъ, добрый и дружный товарищъ, способный и энергичный пастырь, но не благочинный... Будучи выбранъ благочиннымъ едва только тремя голосами и, получивъ утвержденіе въ должности противъ кандидатовъ имѣвшихъ гораздо болѣе избирательныхъ голосовъ, онъ никогда не старался привлечь къ себѣ симпатіи окружнаго духовенства; практикуя въ своей дѣятельности деспотическіе пріемы стараго давно отжившаго времени, даже въ отношеніи къ ближайшимъ сотрудникамъ своимъ, заслуженнымъ и достойнымъ притомъ священникамъ, онъ рѣшался на такія выходки, которыхъ и самъ послѣ стыдился, и которыми на столько оттолкнулъ отъ себя окружное духовенство, что даже не имѣлъ утѣшенія видѣть собратьевъ въ тяжкой предсмертной болѣзни.

Правда, въ одной изъ предсмертныхъ бесѣдъ съ однимъ изъ собратьевъ онъ горько сожалѣлъ о бывшихъ недоразумѣніяхъ между имъ и духовенствомъ, виновнымъ въ коихъ признавалъ себя, но поправить семилѣтніе жизненные промахи уже было поздо!

Да проститъ Господь вѣ ему прегрѣшенія вольная и невольная.

---

*) Изъ семи душъ семьи только старшій, по окончаніи курса въ гимназіи, поступилъ въ университетъ, и старшая дочь окончила курсъ Епархіальнаго женскаго училища, а 2 сына еще учатся въ гимназіи, и три дома. Если такъ бѣдственно положеніе семьи священника въ такомъ прекрасномъ, многолюдномъ, многоземельномъ (80 десят. пшеничной земли) приходѣ, то каково же положеніе въ 6—7 кл. приходахъ? И опять прійдется пожалѣть, почему у насъ не существуетъ эмеритальная касса! *Прим. авт.*

РѢЧЬ

надъ гробомъ благоч. священника Константина Волкова.

Настаялъ наконецъ и часъ нашей разлуки съ тобою, усопшій собратъ; чрезъ нѣсколько минутъ тебя не будетъ ни между нами сослуживцами, ни въ кругу родной твоей семьи, ни въ средѣ духовныхъ чадъ твоихъ. Скоро, скоро эта холодная, сырая, мрачная могила пріиметъ твое тѣло въ свои нѣдра. Таковъ законъ Божій всѣмъ намъ: *это предѣлъ, его же не прейдеши...* Мы родимся, чтобы умереть и умираемъ, чтобы жить, но жить не въ такомъ мірѣ, полномъ болѣзней, бѣдъ и печали, каковъ настоящій, а въ мірѣ лучшемъ, совершеннѣйшемъ, вѣчномъ, гдѣ не будетъ ни печали, ни воздыханія.

Не долог твой жизненный путь, возлюбленный собрат; сравнительно ты рано окончил свое земное поприще*), не успѣв ни семьи устроить, ни позаботиться постройкою новаго храма для прихожан, о чем ты так давно и долго хлопотал: давній и упорный недуг преждевременно свел тебя в могилу. Рано осиротѣла твоя семья, рано остались дѣти-малютки без отца, руководителя и воспитателя; рано и преждевременно они должны познакомиться с нуждою и горем, рано должны ѣсть горькій сиротскій хлѣб. Но такова на то воля Божія!

Велика ваша скорбь, осиротѣлая семья! Ибо вы лишились отца, кормильца и друга своего. Положеніе ваше плачевное, а потому и слезы ваши естественны и понятны. Если Сам Господь Іисус Христос прослезился у гроба Лазаря, пред самым его воскрешеніем, то вам ли, дѣти и сродники, удержаться от скорби и слез, при послѣднем прощаніи с своим отцем и другом, до свиданія с ним в будущей жизни. Но хотя печаль и слезы ваши естественны и уважительны, однако *не скорбите*, по слову Божію, *яко же неимущіи упованія*. Утѣшьтесь, вспомнив, что смертію не прекращается общеніе с усопшим. Св. церковь указывает продолженіе общенія в молитвѣ, в которой душа усопшаго наиболѣе нуждается в настоящее время, проходя грозное и страшное мѣсто мытарств, гдѣ истязуется за грѣхи настоящей жизни.

Отцы, братіе и сослужители! Усопшій собрат как будто бы сам взывает из гроба к нам словами слѣдующей церковной пѣсни: *Братіе мои возлюбленніи! не забывайте мя, егда поете Господу, но поминайте и молите Бога, да упокоит мя с праведными Господь* (6 пѣснь свящ. погреб). Внявъ сему гласу, кто из нас не помолится Христу Богу о упокоеніи души новопреставленнаго сего іерея Константина со всѣми святыми, о прощеніи ему вольных и невольных грѣхов.

Духовныя чада почившаго! Вот духовный ваш отец лежит молчалив и безгласен: *уста упразднишася, язык преста, руцѣ связастѣся, нозѣ сплетостѣся, зрак измѣнися, очи угасость и не видят рыдающих...* А между тѣм всѣ душевныя и тѣлесныя силы новопреставленнаго, в теченіи 24 лѣтней службы его, употреблены были на служеніе преимущественно вам, духовным чадам его, и сему св. храму, вмѣсто котораго он так искренно и давно желал устроить вам новый, чего к сожалѣнію не успѣл по причинѣ преждевременной кончины, а отчасти по причинѣ малаго вашего сочувствія к этому доброму дѣлу. Поэтому вам ближе, чѣм другим, слѣдует принять к сердцу и исполнить загробную его мольбу: *непрестанно о мнѣ молитеся, да не низведен буду, по грѣхам моим, на мѣсто мученія.*

Чада по плоти и сродники усопшаго! Вы, полагаю, и без особаго напоминанія будете молиться о усопшем, по влеченію своего сердца: любящее сердце не может не молиться за того, кого любит безкорыстною любовію.

Быть может между нами найдутся люди, с которыми покойный имѣл служебныя столкновенія, которых огорчил волею или неволею и не успѣл или забыл испросить прощенія, таковых от лица умершаго дерзаем просить: не поминайте его созлобою и не отказывайтесь молиться о нем, вѣрьте: в одной из предсмертных своих бесѣд он скорбѣл о происшедших между им и большинством духовенства столкновеніях и винил в них себя. С своей стороны и мы прощаем тебя, брате и сослужителю, всякую обиду, нанесенную нам волею или неволею... Если и древніе язычники поставляли за правило себѣ: ничего не говорить об умершем, кромѣ хорошаго, то нам ли христіанам злопамятствовать? Нам ли забыть Христову заповѣдь о любви всепрощающей.

Пріими же, усопшій, от нас послѣднее прости и прощай до того всерадостнаго дня, когда, по звуку архангельской трубы, суждено всѣм усопшим возстать из гробов и предстать на страшный суд Божій.

С. В. П.

---

*) 24 г. священствовал.

Извѣстія и замѣтки.

По газетным извѣстіям **предстоящее священное миропомазаніе и коронованіе** Их Императорских Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы, назначенное на 24 августа, возбуждает дѣятельность и в церковных сферах Москвы. Высокопреосвященный Макарій, митрополит Московскій в настоящее время занимается распоряженіями соотвѣтственно указаніям Св. Синода относительно богослуженія и участія в нем духовенства Москвы в день ожидаемаго церковнаго и государственнаго торжества. К этому времени прибудут в Москву двѣнадцать русских іерархов: митрополиты: Новгородскій и С.-Петербургскій Исидор и Кіевскій Платон; архіепископы: Херсонскій Димитрій, Холмскій и Варшавскій Леонтій, Казанскій Сергій, Рязанскій Палладій, Тульскій Никандр, Кишиневскій Павел и Тверскій Савва, и епископы: Костромскій Игнатій, Ярославскій Іонафан и Вологодскій Өеодосій. Для них, по указанію Московскаго митрополита, приготовляются помѣщенія в московских монастырях.

— **Засѣданіе церковно-археологическаго Общества при Кіевской духовной Академіи 19 мая** удостоено было посѣщеніем Попечителя Общества, нашего маститаго архипастыря высокопреосвященнѣйшаго митрополита Платона. Предсѣдатель общества ректор Академіи епископ уманскій Михаил и секретарь Общества проф. Н. И. Петров ознакомили Его высокопреосвященство с порядком веденія дѣл в Обществѣ и с настоящим его состояніем, при чем его высокопреосвященством сдѣлано было нѣсколько замѣчаній относительно болѣе близкаго к порядкам других обществ веденія дѣла в Церковно-археологическом Обществѣ. Затѣм профессором Академіи И. И. Малышевским предложен был весьма важный по общецерковному и мѣстному современному значенію реферат о желаемом устройствѣ иконостаса в строющемся соборѣ св. Владиміра и о желательных священных изображеніях на стѣнах этого храма. По поводу построенія храма посвященнаго памяти св. равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи, г. Малышевскій выступает с предложеніем по крайней мѣрѣ в отношеніи к этому храму возвратиться в устройствѣ иконостаса к древней формѣ его. Как извѣстно, нынѣшній иконостас, простирающійся во всю ширину, а часто и во всю высоту церкви и представляющій сплошную стѣну, совершенно закрывающую алтарь от предстоящаго в церкви народа, есть произведеніе позднѣйшее, возникшее в XVI в. и из сѣверной Россіи перешедшее в Кіев в концѣ XVII и началѣ XVIII в. В древности же в вѣк Владиміра и Ярослава и долго потом у нас, как и доселѣ в Греціи, иконостас ограничивался не высокою (около $1^1/_2$ арш.) предалтарною перегородкою с такими же дверями в ней, колоннами между пряслами этой перегородки, поверх колонн архитравом (горизонтальный брус) и темплоном (щит посрединѣ архитрава) с извѣстными изображеніями на них. Такой иконостас не закрывал алтаря от народа. Пространство между пре-

градою и архитравомъ было сквознымъ (между колоннами), а между архитравомъ, темплономъ и верхомъ алтарной арки совсѣмъ открытымъ. Священныя изображенія алтаря были видны, равно какъ видно было и все священнодѣйствіе алтаря, исключая моментовъ, когда опускалась завѣса. Такая форма иконостаса, независимо отъ авторитета древности, совершенно отвѣчаетъ идеѣ христіанскаго единенія священнослужащаго клира съ предстоящимъ народомъ, тогда какъ духъ замкнутости клира и духовенства едва ли и не повліялъ на устройство сплошныхъ иконостасовъ, за которымъ священнослужащій клиръ какъ бы запрятался отъ народа. „Желательно, говорилъ референтъ, чтобы въ новомъ соборѣ св. Владиміра иконостасъ устроенъ былъ въ древнемъ видѣ, въ томъ, какой имѣлъ онъ въ вѣкъ Владиміра и ближайшее къ нему время". Исходя изъ тѣхъ же историческихъ основаній, по отношенію къ священнымъ изображеніемъ на стѣнахъ собора, референтъ высказалъ желаніе, чтобы эти изображенія, служащія къ назиданію молящихся, были выбраны приспособительно къ значенію собора какъ собора въ память равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи и совершеннаго имъ дѣла просвѣщенія страны христіанствомъ. „Здѣсь должны имѣть мѣсто, говоритъ референтъ, особенно изображенія историческихъ лицъ прославленныхъ въ церкви названіемъ равноапостольныхъ, до славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія включительно. Обильнѣйшую затѣмъ группу могутъ составить изображенія, воспроизводящія исторію самаго Владиміра, черты дѣятельности его какъ просвѣтителя Россіи съ соприкосновеными этой исторіи лицами и событіями". Авторъ намѣтилъ затѣмъ нѣсколько частныхъ сюжетовъ для изображеній этого послѣдняго рода. Всѣ эти желанія референта приняты были его высокопреосвященствомъ— Попечителемъ Общества, и всѣми членами Общества съ живѣйшимъ сочувствіемъ и предположено по этому предмету войти съ представленіемъ къ г. министру Внутреннихъ Дѣлъ.—Другой рефератъ проф. П. А. Лашкарева касался двухъ крестовъ. Первый изъ нихъ—изображеніе креста на толстомъ слоѣ штукатурки, открытое при возобновленіи наружной штукатурки на алтарной части Лаврской великой церкви,—по мнѣнію референта, имѣетъ отношеніе къ освященію великой Лаврской церкви и было вырѣзано при этомъ освященіи на наружной алтарной стѣнѣ по свѣжей еще штукатуркѣ. На крестѣ греческая надпись начальными буквами: ι. χ. ν. κ. φ. χ. φ. π., т. е. *Іисусъ Христосъ, ника, свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ*. Другой крестъ найденъ въ углубленіи кирпичной стѣны надворотной лаврской церкви на разстояніи одного аршина отъ земли. Онъ состоитъ изъ двухъ металлическихъ пластинокъ, составляющихъ, въ видѣ орденскихъ крестовъ, верхнюю и нижнюю часть креста, между которыми былъ укрѣпленъ деревянный крестъ, какъ видно изъ пробитыхъ гвоздями дырочекъ на концахъ обѣихъ пластинокъ и одного уцѣлѣвшаго гвоздя. По мнѣнію референта, крестъ этотъ положенъ былъ при закладкѣ церкви, каковая закладка обыкновенно совершалась по выведеніи стѣнъ до нѣкоторой высоты. Его Высокопреосвященство съ вниманіемъ и живымъ интересомъ выслушалъ оба реферата и относительно каждаго изъ нихъ дѣлалъ немало ученыхъ археологическихъ замѣчаній. Засѣданіе, открытое въ 7 часовъ, продолжалось болѣе 2 часовъ.

— **Открытіе народныхъ чтеній** произошло въ воскресенье 23 мая въ городскомъ домѣ. Послѣ молебствія, совершеннаго соборнѣ, проф. университета П. П. Алексѣевъ обратился къ собравшейся публикѣ, преимущественно интеллигентной, съ краткой рѣчью, въ которой заявилъ, что для перваго чтенія избранъ предметъ религіозно-нравственнаго содержанія, но впослѣдствіи имѣется въ виду устроять чтенія и по другимъ предметамъ: отчизновѣденію, естествознанію, исторіи и гигіенѣ, и что чтенія эти будутъ сопровождаемы и наглядными пособіями въ видѣ опытовъ, картинъ и т. п. Затѣмъ протоіерей И. Т. Экземплярскій, вступивъ на каѳедру, прочелъ брошюру, читанную уже въ аудиторіи Солянаго городка— „Мужьямъ объ ихъ женахъ", въ которой идетъ рѣчь объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, какими они должны быть по закону Божію и какими бываютъ на дѣлѣ. Чтеніе произвело на публику хорошее впечатлѣніе, хотя, такъ какъ устроители чтеній не успѣли еще распространить въ народѣ объявленія о нихъ, простаго народа на этомъ первомъ чтеніи было не много. На слѣдующій разъ предметомъ чтенія будетъ разсказ Толстого: „О томъ, чѣмъ живъ человѣкъ". Впослѣдствіи чтенія предполагается перенести въ контрактовый домъ на Подолъ, гдѣ простаго народа больше чѣмъ въ другихъ частяхъ города. Привѣтствуя это начало добраго дѣла, не можемъ не пожелать, чтобы къ этимъ чтеніямъ не замедлили присоединиться и *религіозно-нравственныя* чтенія для народа, давно уже проэктированныя Свято-Владимірскимъ Братствомъ.

— **Закладка церкви въ Деміевкѣ.** Давно заявлявшаяся настоятельнѣйшая потребность для жителей Деміевки имѣть храмъ въ этомъ обширномъ предмѣстьѣ Кіева наконецъ начинаетъ осуществляться. 23 мая въ присутствіи многочисленной публики, благочиннымъ Старо-Кіевскихъ церквей протоіереемъ П. Ѳ. Подвысоцкимъ соборнѣ съ двумя священниками совершено было освященіе мѣста и закладка церкви. На торжество собралось мѣстныхъ жителей такое множество, что обширный церковный дворъ едва вмѣщалъ ихъ. По окончаніи молебствія и освященія мѣста, собравшаяся публика устроила подписку на новостроющійся храмъ, по которой и собрано около 1500 р., изъ коихъ 1000 р. пожертвовано Товариществомъ кіевскаго сахарнаго завода.

— Отъ 9—22 марта 1882 г. іеромонахъ Кіево-Михайловскаго монастыря *Леонидъ* награжденъ наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ.

Поправка. Въ № 8 на 143 стр. К. Еп. Вѣд. въ ст. „Впечатл. вел. субботы" и пр. вмѣсто словъ „сколько вдохновен. и умилительн. молитвъ слышится въ пѣснопѣніяхъ древн. пророковъ".... должно читать: „сколько вдохновенныхъ и умилительныхъ мотивовъ слышится въ пѣснопѣніяхъ церкви, чтеніяхъ древн. пророковъ"....

Профессоръ *А. Вороновъ*.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Печатать дозволяется, 28 мая 1882 г. Кіевская Духовная Академія.
Кіевъ. Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица собств. домъ.